

Бог падарыў шчаслівы доўгі век

Ядвига КОБРИНЕЦ

Прызнаюся, першы раз была ў вёсцы Сідаркі, але наслухалася пра яе жыхароў столькі, што дзіву даюся. Хоць, шыра кажучы, ехала туды зусім не для таго, каб слухаць аповеды пра вяскоўцаў, а на сустрэчу з доўгажыхаркай, паважанай у вёсцы асобай – Лідзіяй Несцераўнай Гаўрылік. Гэтая мілая, добрая, мудрая бабулька заўтра адзначае сваё 90-годдзе. А сёння з такой нагоды ў Ваўкавыскім рэстаране збіраецца амаль 60 чалавек, каб павіншаваць дарагога чалавек з юбілеем, зрабіць матулі, бабулі і прабабулі прыемныя падарункі і пажадаць ёй моцнага здароўя яшчэ не на адно дзесяцігоддзе.

Сказаць пра праўдзе, бабуля на свае гады не выглядае, нават нягледзячы на глыбокія маршчынкі на твары і на дату нараджэння ў паспарце. Гэта вельмі энергічная, жывая, гаваркая, вясёлая бабулька. Усё лета яна прападае ў лес: спачатку па ягады ходзіць, а потым па грыбы. Лісічкі збірае, не кожны малады столькі збярэ. Да таго ж у бабулі Ліды агарод, які грэба свочасова прапалоць, паглядзець, ураджай сабраць. Работы ахапае, што там казаць, але звітная бабулька ўсюды паспявае. Акрамя ісяго, яна воль ужо больш за 30 гадоў спявае ў царкоўным зоры. Можа, таму Бог ёй і падарыў такі доўгі і шчаслівы век. Менавіта так думае і ама Лідзія Несцераўна.

Родам яна з гэтай жа вёскі. Тут расла, тут атрыала ад бацькоў першыя рокі працы. З 9 гадоў аработ чужых пасвіла, вучылася прасці, ткаць, вязаць, шыць, вышываць, азмуіаю расла, прыгожай зяўчынаю, і хлопцё пачаў адзіць, які па душы быў аладой Лідзе. А потым зымнула вайна. Нібы чорам пакрываю накрыла іх, зруйнавала лёсы, палечыла жыцці.

Лідзе яшчэ і вясмяніць не было. Маладзенька зусім. А тут такіх, як а, у Германію пачалі зааць. Страшна, каму хо-

чацца на чужыну ехаць з роднага дому. А на другім канцы сяла хлопцё жыў, Пятро. Провізічка было тааое, як і ў Ліды, – Гаўрылік. Воль сасваталі іх бацькі хуценька, ды і пажанілі. Якое там каханне, ведалі адно аднаго з маленства, ды і таго хопіць. Як прыйшла Лідэ да свякроўкі жыць, там усіх разам адзінаццаць чалавек было. А хата маленькая, цесная, маладым на прыпечку спаць прыходзілася. Але жылі дружна, адзін аднаго не крыўдзілі, маленькім курачочкам дзяліліся. У 43-м нарадзіўся ў Ліды з Пятром першы сыночак Валодзя. Цешыліся бацька і маці гледзячы на дзіцятка, а сэрца ад страху сціскалася, таму што вораг лютаваў, па пятах смерць хадзіла. На вачах у Ліды расстралялі цэлую сям'ю з вёскі: жонку з мужам і дваіх хлопчыкаў. Усю вёску сабралі на гэтае страшнае відовішка глядзець, і Лідэ з маленькім сыночкам на руках таксама там была.

Але прыйшоў час вызвалення, дыхаць стала лягчэй. Муж працаваў на чыгуны, яго ў армію не ўзялі. Нарадзілася яшчэ трое дзетак: сыночак Ваня і дзве дачушкі – Марыя і Валя.

Калі арганізавалі саўгас «Гарнастаевічы», Лідзія Несцераўна пайшла ў палыводства. Шчыравала да самай пенсіі.

Пабудавалі з мужам дом, пераехалі ўсе разам у новае жыллё. Пачалі абжывацца. На жаль, век у мужа быў кароткі, ужо больш за сорака гадоў Лідзія Несцераўна жыла без яго. Але якіх добрых дзетак яны выгадавалі. Ні за аднаго не сорамна.

Старэйшы Уладзімір найбліжэй жыў – у Гарнастаевічах, ужо на заслужаным адпачынку. Выгадаваў тры дачушкі, а тыя падарылі шасцёра ўнукаў.

На жаль, няма ўжо на свеце Івана, але жыць ён у памяці дваіх дзяцей і чатырох унукаў.

Марыя абсталывалася ў Пінску, выгадавала трое дзяцей і мае пяцёра ўнукаў. Малодшая Валянціна таксама недалёка – у Ваўкавыску. У яе двое дзяцей і пакуль яшчэ толькі адзін унучак.

Усяго разам у Лідзіі Нес-

Фота Яны КОБРИНЕЦ

цераўны шэсць унучак, чаццеры ўнукі і 16 праўнукаў. Воль якая багатая бабуля!

Ва ўсіх добрая сям'я, жыўць дружна, адзін аднаго падтрымліваюць, дапамагаюць, як і павінна быць. А бабулька Лідэ для іх, як сонейка ў небе. Летам тут гасцюць усе ўнукі і праўнукі, нават з сябрамі прыязджаюць. У садзе ставяць палаткі, начуюць на сенавале, хто дзе можа. А стол таксама ў садзе стаіць, каб усе змясіліся.

Не было таго дня нараджэння ў каго-небудзь з родных, каб Лідзія Несцераўна забылася пра яго. І не толькі патэлефануе і павіншуе, а абавязкова падарунак прыгатуе. Усю зіму, пакуль не трэба хадзіць у лес, ды паліць агарод, яна вяжа шкарпэткі. Яны такія прыгожыя ў яе атрымоўваюцца, такія цёпленыя, што ўнукі ды праўнукі толькі цешацца такімі падарункамі.

Воль і на сваё 90-годдзе яна ўсім сваім гасцям таксама падрыхтавала падарункі. Няхай сабе і невялічкія, сімвалічныя, але ніхто з пустымі рукамі з яе юбілею не пойдзе. Воль якая шчодрая бабуля, проста дзіва. За ўсё жыццё яна толькі раз ляжала ў бальніцы і то, лічыць, па дробязі, трохі падмарнавала страўнік, але яго хутка вылечылі, і бабулька здаровенькая вярнулася дадому, чым вельмі цешылася ўся вялікая радня і аднавяскоўцы.

Хоцання трохі расказваць і пра іх. Яны тут вельмі дружныя. Пра гэта сведчыць ужо тое, што калі хто-небудзь у вёсцы коле свін-

чо, то збіраецца паўвёскі. І гаспадыня да таго дня асабліва рыхтуецца, сапраўдную гасціну ладзіць, а не толькі свежанай частуе. Воль якія тут традыцыйныя бытуюць. Бабуля Лідэ карыстаецца ў вёсцы вялікім аўтарытэтам. Яна вельмі паважаная вяскоўцамі, да яе ідуць суседзі, каб паглядзець, ці ёсць вада, ці прынесены дровы, ці проста, каб пагаварыць пра жыццё. Воль і на дзень нашага прыезду прыйшлі да яе братавая Вольга Іванаўна Гаўрылік, сяброўкі Лідзія Афанасьеўна Цівунчык і Раіса Аляксандраўна Гаўрылік. Дарэчы, яны разам з Лідзіяй Несцераўнай спяваюць у царкоўным хоры. І не толькі. Сабраўшыся разам у каго-небудзь у хаце, яны таксама ахвотна моцзе заспяваць песню. І нам пашчасціла паслухаць гэтае прыгожае трыо.

«Домік акамаі в сад, там, где ждет меня мама, где качала мою по ночам колыбель...» – так мілагучна, так цудоўна зліваюцца галасы, нібы не вясковыя бабулькі спяваюць, а сапраўдныя артысткі.

Удэ ж такі цікавая ў мяне прафесія: штодзень новыя знаёмствы. Воль і гэтае западзе надоеў а душы, бо сёння няшмат сустрачэння такіх бабуль, якія ў сваё 90 яшчэ маюць столькі энергіі, столькі добратычлівасці і шчырасці. І няхай міласэрны Бог доўжыць яе жыццё, каб цешыла яна сваёй цёплай усмешкай кожнага, хто пераступае парог яе гасціннага дома.

Кобрынец, Я. Бог падарыў шчаслівы доўгі век: [аб расстрэле сям'і з в. Сідаркі Свіслацкага раёна] / Я.Кобрынец // Свіслацкая газета. – 2013. – 23 лістапада. – С.10

ЖЕНЩИНА,
ТРУЖЕНИЦА,
МАТЬ

СТАРШАЯ СЕСТРА

ФАШИСТЫ нагрянули на рассвете, когда в Задворенцах еще не светились керосинки. Деревня спала крепким сном, особенно одолевающим в предуренные часы. В этом доме не спала мать: что-то беспокойно, тревожно было на сердце. (Накануне вечером наведались партизаны, но, обогрившись, подкрепившись, быстро ушли). Послышался какой-то неясный шум. Быстро набросив одежду, вышла из дома.

— Облава!

Впыхав вбежала в комнату и стала тормошить детей. Мужа раньше расстреляли и Мария Степановна знала, чем может окончиться очередной налет гитлеровцев. Однако ути успела лишь Анастасия. Укрывшись в сосняке, девушка слышала автоматные очереди, крики. Вскоре все стихло. Когда вернулась, дом был пуст. Ей сообщили, что мать, двоих братьев и еще несколько односельчан расстреляли за связь с партизанами. Когда родственники подбирали убитых, обнаружили, что Николай чудом уцелел. Раненого в плечо братишку притащила домой. Поставила на ноги. Вскоре ушел на фронт и в одном из боев за Польшу сложил голову. Младших братьев и сестру к себе взяли, правда, временно, родственники, знакомые. Восемнадцатилетней девушкой она подалась в партизаны. Воевала исправно. И теперь бережно хранит медаль «За боевые заслуги». В мирное время к ней добавятся медали и знаки за доблестный труд.

Анастасия Константиновна достает и показывает нам награды, а на глазах слезы. Молчит, а затем негромко говорит: — По праздникам ношу. Вот были бы живы родители.

И снова плачет. Глубоки, страшны в сердце те годы. Много не помнит. Вообще, жалуется на забывчивость. Тот далекий вечер, когда в дом пожаловали партизаны — помнит. Вместе с матерью стирала пропахшие порохом гимнастерки, рубахи. Потом проводила народных мстителей к лесу. И этот старенький, обветшалый домишко у самой дороги многое видел и хранит в себе. Здесь растила, воспитывала после расстрела родителей братьев и сестру. Притом пятерых! Ведь самой едва пошел девятнадцатый. Повзрослела быстро. Как и многие ее сверстницы, заменила младшим отца и мать. Меньшему, Анатолию, восьмая

весна шла. Наряду со всеми пахал, сеял, досматривал чужую скотину.

Читать и писать в их доме никто не умел. С горем пополам одолевали алфавит старшие: Петр, Ольга, Григорий, Михаилу и Анатолию легче давалось. Сама не выучилась. И хотя братья немного проштудировали свою «маму», но стало зрение ее подводить. Письма соседи иногда читают, да братья по приезде. А когда моложе была, то вышиванием увлекалась. Многим нравилась Анастасина хватка. Бывает, такой узор расписнет по полотну — залобуешься. И ныне на стенах висят вышитые разноцветные голуби, девочка, присевшая у ручья. Да и ткать была мастерица.

Пятидесятилетие Анастасия Константиновна Отока отметила в июне позапрошлого года. Сидя еще не тронула ее русые волосы, собранные по-девичьи в пучок на затылке. Открытый, прямой лоб в морщинках, сероватые глаза, под которыми то-

же четко обозначились черточки.

— Не скучно вам одной дома?

— Привыкла. Да и некогда скучать. Забот хватает.

Она всегда с нетерпением ждет, как выразилась, братьев-деток. Трое приезжают из Волковьска. Работают на стройке, обзавелись семьями. Реже видится с Гришей, который в Ростове. Иногда заглядывает сестра. Она рядом — в Пущиках. Но больше всех ждет сына. Александр — офицер, в войсках служит. Она с гордостью показывает фотографии сына и внука.

Пятерым она заменила мать. Все выдружили ее руки, вынесли плечи. И работая шестнадцать лет дояркой, отдает избранному нелегкому делу свой опыт и силы. Сельчане и просто знакомые приносят ей дань уважения, как человеку, которому, матери, коммунисту.

Евг. БОЛБАТ.

Фото Ч. ГОРБАЧА.

Болбат, Е. Старшая сестра: [о расстреле мирных жителей д.Задворенцы Свислочского района] / Е.Болбат // Заветы Ильича. — 1978. — 21 марта. — С.3

Боль, які цяжка супакоіць

Калі пачалася вайна, Зінаіда Андрэеўна Раецкая толькі нарадзілася. Але ж памяць захавала яскравыя расказы маці, якія назаўсёды запалі ў сэрца... І сёння яна памятае ўсё, што давалося перажыць у гады вайны.

— Падчас акупацыі ўсе сем'і былі вывезены з Качкоў у Нязбодзічы. Нашу сям'ю прынялі сваякі, — расказвае жанчына. — Было гэта пасля свята Пятра і Паўла, ужо касілі збожжа. Ранкам маці пайшла будзіць старэйшага брата, каб выгнаў карову на пашу. У гэты час у хату ўварваліся немцы, выгналі тату, гаспадара і яго сына. Разам з іншымі мужчынамі пагналі іх у бок Дрэчанаў. Затым жорстка білі, вывозілі машынамі ў бок Гаркаўшчыны і расстрэльвалі. Маці і іншыя жанчыны пабеглі да таго кар'ера. Яны сталі сведкамі жудаснай карціны: гітлераўцы дабівалі параненых людзей... Толькі адзін чалавек здолеў тады выратавацца. Калі ён падаў паранены, то на яго ўпаў ужо забіты бацька Зінаіды Андрэеўны, і немцы падумалі, што ён мёртвы. Калі ўсё сціхла, мужчына вылез з-пад забітага і ўцёк. Доўга хаваўся ў жыцце, увесь ссвіеў...

Пасля акупацыі, у 1944 годзе, старэйшы брат Сяргей пайшоў на фронт дабравольцам, каб адпомсціць ворагу за бацьку. Салдацкі рэчавы мяшок збіралі ўсёй вёскай.

У 1949-м годзе сям'я вярнулася ў Качкі. Каб дапамагчы маці, старэйшыя дзеці наймаліся пасці кароў, а Зінаіда шчыравала на хатняй гаспадарцы. Хутка праляцела цяжкае па-

сляваеннае дзяцінства. Пасля заканчэння Дабравольскай дзесяцігодкі дзяўчына працавала ў Нязбодзіцкай бібліятэцы. Выйшла замуж за Уладзіміра Аляксеевіча, які працаваў вадзіцелем у калгасе. У сям'і нарадзіліся Алла і Сяргей. Дзеці для яе, як і для любой маці, — самае вялікае шчасце. Сем гадоў таму жанчына аўдавала. Сёння Зінаіда Андрэеўна жыве радасцямі і клопатамі дачкі і сына, чатырох унукаў, маленькіх праўнукаў, якія часта наведваюць любую матулю і бабулю.

КАЧКІ

Старонку падрыхтавала Кацярына ДУДКО (тэкст і фота).

Письмо внукам и правнукам

Не хочется беречь душу воспоминаниями, но они сами приходят, без спросу. Трудно забыть то, что запечатлела детская память.

Ничто не волновало нас, босоногих деревенских детишек и мальчишек, но слово «война» заставило вздрогнуть всех. От неожиданных бомбежек и выстрелов люди метались, не зная, что делать, куда прятаться. А враг был неумолим – стрелял во все живое: в старика, стоящего на своем дворе, в девочку, выгнувшую из-за угла. Стрелял в погреб, где мать, как наседка перед дождем цыплят, прятала своих детей. Стрелял в хозяйню горящего дома.

В первый день войны от рук оккупантов безвинно погибло много моих земляков.

Наше местечко расположено в Беловежской пуше. В 1812 году около Нового Двора размещался 7-й корпус под командованием Багратиона, а в самом Новом Дворе располагался корпус, которым командовал герой Бородино Раевский. Бывал здесь один из командиров, знаменитый партизан и поэт Денис Давыдов.

Тут же разместились в 1941 году и немецкий штаб. Оккупанты бесчинствовали повсюду. Забирали молодежь в качестве рабов в неволю, в Германию. До сих пор слышу плач, крики сидящих на повозках молоденьких детишек, парней, увозимых на чужбину, рыдание их матерей. Начались аресты мирных жителей. О Журкевич – женщина, приютившая красноармейцев, была расстреляна. Осталось трое ее детей, которым пришлось несладко. Михаил Гончаревич расстрелян у нас во дворе. Иван Косинский возвращался домой из Гродно, где учился, его тоже расстреляли. Виктор Делюшинский (19 лет) за связь с советскими войсками был убит в упор. Причем сразу похоронить его не дали. Надо было, чтобы он лежал несколько суток в лесу для устрашения других. И не дали хоронить потом на кладбище, а только за кладбищем. Анатолий Савко, молодой парень, тоже расстрелян. Вот какой мы испытали ужас.

Зимой 1941-го собрали всех мужчин в центре деревни, возле церкви. Мы, дети, залезли на печку, сидим, боимся высунуть голову. К нам в дом пришел немец, достал чемодан и штывком начал ковырять в нем, затем все выбросил на пол, а мы сидим, прижавшись друг к другу, и наблюдаем за ним. Нашел немец себе добычу: мамин шелковый чулок. А потом взял ножницы, которыми стригли овец, отрезал ступни и стал

натягивать чулок на голову. А он шелковый, не лезет. Он гнется, а чулок вверх скользит. Фриц так и не смог его натянуть. Так они от холода спасались – всякое тряпье на голову надевали. Нам было и смешно, и страшно. Но если б засмеялись, фашист убит был!

В августе 1942 года ночью схватили всех советских активистов, в том числе и моего отца. Сначала их увезли в Порозово, в какой-то подвал, потом в Белостокскую тюрьму, а после в концлагерь Штуттоф. Оттуда никто не вернулся.

Чужеземцы хозяйничали как хотели. Детей заставляли чистить для них картошку на кухне, в комендатуре мыть полы и т.д. Захотят курятинки, идут в любой двор и ловят им понравившуюся курицу. Удивительно, но куры по одежде узнавали немцев: увидят и летят через все заборы.

Все три года оккупации мы не учились. Разве им были нужны образованные рабы?

В начале оккупации немцы были холеные, мылись в речке, и по воде плыла белая пена. А отступали уже другие, грязные, небритые, страшные.

Из оставшихся в окружении бойцов и местной молодежи стали организовываться партизанские отряды. Днем немцы орудуют, а ночью приходят партизаны. На дверях церкви, помню, была листовка со словами: «Кто будет помогать партизанам – расстрел!» И это была не пустая угроза. Жителей деревни Шауличи Волковысского района расстреляли за связь с партизанами. Мы, дети, боялись близко подходить к этим листовкам.

Несмотря на угрозы, люди помогали народным мстителям. Тогда немцы стали засылать под видом партизан полицаяв и властовцев. Вот какая трагедия разыгралась на хуторе Галово Болото. Была свадьба Михаила Ботвича. На свадьбу пришли под видом партизан переодетые немецкие сыщики. Естественно, отец молодых их накорнил, за что поплатился жизнью. Кроме него были расстреляны и другие мужчины, присутствующие на свадьбе. В деревне Клепахи Пружанского района расстреляно все мужское население от 14 лет. Остался только один, благодаря своему маленькому росту. В деревне Соболяки, которую народные мстители называли партизанской гостиницей, немцы уничтожили всю семью А. Шабат: старушку-мать, двух сестер и их детей 3-х и 5-ти лет.

Огнем и мечом немцы хотели запугать народ, но

в ответ получали яростное сопротивление. Через д. Соболяки проходили и оставались на дневки и ночлег партизанские бригады им. Пономаренко, Чапыгина, Кастуса Калиновского, «Во имя Родины». Побывал здесь и один из отрядов знаменитого украинского партизанского соединения Ковпака. Более семи тысяч партизан обслужила «гостиница». В одной заметке партизан можно описать все ужасы той войны. Но хочется, чтобы молодые помнили об этом и берегли мир.

Война, уйди!

Война, уйди! Война, уйди!
Не стой у нас ты на пути.
Ведь жертв ты сделала немало,
Когда ты нас уж навещала.
Война, уйди! И не следи,
И души ты нам не бери.
Еще следы твои видны –
Воронки страшной той войны.

Да и окопов твоих след
Напоминает много бед.
Война, уйди, не трогай.
Раны не зажили еще

у мамы.
Отца не найдена могила.
До боли нам была бы мила.
Война, уйди! Уйди, уйди!
Нам не встречайся на

пути!
Ведь в 45-м дан наказ!
Не трогай нас!
Не трогай нас!

Спасибо, милые солдаты!

Война уж кончилась давно,
И всем известна эта дата.
Но не для тех, кто все

равно
Ждет с той войны отца
или брата.

Никак нам не забыть
все это,
Какое было в 41-м лето.
И помним мы тот

страшный бой,
Что не щадил он нас
с тобой.

Смертельный груз на нас
бросали,
Галдели немцы, ликовали.
Атаки шли, за боем бой.
В ушах стоял свистящий

вой.
Но Брест стоял в
смертельной схватке.
Бесились немцы

в лихорадке.
И насмерть гарнизон
стоял.

Об этом помнит стар
и мал.
Спасибо, милые солдаты,
Что защищали нас

когда-то.
Спасибо вам, отцы и деды,
Что дождались мы той

Победы.
Пусть внуки, правнуки
мои

Прочтут послания сии.
И знают все лишь
понаслышке.

А о войне читают только
в книжке.
В. И. ГРИЦКЕВИЧ,
д. Новый Двор.

Грицкевич, В. И. Письмо внукам и правнукам: [о расстреле жителей д.Новый Двор Свислочского района] / В.И. Грицкевич // Свіслацкая газета. – 2013. – 8 мая. – С.4

Незагойная рана памяці

Зноў гартую кнігу "Памяць" і зноў перед вачамі прозвішчы, імёны... Імёны тых, каго даўно-даўно няма сярод нас, хто не паспеў пацешыцца жыццём, дзеткамі, унукамі, каму падсеклі крылы, не дазволілі ўзлянець. Як шмат гэтых імёнаў. І больш маладых, каму жыць ды жыць, любіць, нараджаць дзяцей, сеяць хлеб, радавацца кожнаму дню, верыць, спадзявацца... Не дазволілі, расстралялі надзею, павесілі, спалілі, закатавалі... Гартую кнігу. Чытаю імёны і спрабую сабе ўявіць, якімі былі тэя людзі, аб чым марылі, што любілі, да чаго імкнуліся? Пэўна, яны мала чым адрозніваліся ад нас, сённяшніх. Хто чарнявы, хто бялявы, хто сінявокі, хто смуглявы, хто вяселы, хто сур'ёзны, хто старэйшы, хто малодшы... Жылі, працавалі, дзякавалі Богу за кожны пражыты дзень, пакуль не прыйшоў дзень апошні...

Мы сядзім на лавачцы каля хаты Лідзіі Фёдараўны Зайко з Навасадоў. Яна не чакала нас, яна не думала, што прыйдзеца вяртацца ў тэя далёкія гады, якія ранай запякліся на сэрцы, і час не здолеў тую рану

абязболіць.

Запыталі, ці памятае вайну, і адразу ў яе вачах заблішчалі слёзы. Недаарэчнае пытанне: памятае, яшчэ як памятае!

— Я зараз не магу сказаць, у якім менавіта годзе гэта сталася. Але, здаецца, што ўчора было тое страшэннае відовішча. Тут вась насупраць дом стаяў. Пусты быў. Людзей вывезлі, не памятаю іх прозвішча. Вось у гэты дом прыгналі людзей. Чалавек шэсць ці сем. Там іх моцна білі, здэкваляся, а потым вывелі, паставілі ў рад. Сярод іх была жанчына з дачушкаю — жонка ваеннага. Тут у нас ваенная часць стаяла. Жонкі і дзеці іншых вайскоўцаў паспелі з'ехаць, а яна чамусь засталася. Дзяўчынку яе Лорачкай звалі, маленькая была, гадкоў, можа, тры ці чатыры. Людзі стаялі моўчкі, ніхто не плакаў, не прасіўся, нават тое дзіцятка. Відаць, ад страху яно ўкамянела. А жанчына Тасяй называлася. Яна скінула з галавы хустачку, завязала сабе вочы, узяла на рукі дачушку, і пагналі іх на расстрэл. Недалёка тут расстрэльвалі, мы чулі, як аўтаматы стракаталі. Трасліся ўсе ад страху, нават плакаць не далі рады. А потым мужчын з вёскі прымусілі яму капаць і засыпаць тых няшчасных. Мы недалёк жылі, дык нашага тату першага пагналі туды. Ён прыйшоў і аслупянеў. Целы зака-

таваных горбаю ляжалі. Спачатку сказаў, што не будзе капаць, што вельмі шкадуе забітых, дык не мец буркнуў: "Не хочаш, то і сам тут зараз ляжаш". Што было рабіць, узяў тую рыдлёўку, ды пачаў капаць. Тым часам яшчэ аднаго на расстрэл прывялі і ў таты на вачах забілі. Потым другіх мужыкоў з вёскі прыгналі, каб закопвалі забітых, вась так і пахавалі тут аднавяскоўцаў.

Трошкі пазней усіх людзей сталі зганяць на сход. Мы думалі, што ўсіх нас пастрэляюць. Ішлі, учапніўшыся за маміну спадніцу (нас у яе трое было), каб, як будучь расстрэльваць, усім разам ляжаць каля мамы. Але, дзякуй Богу, нас толькі папярэдзілі: як толькі даведаюцца, што хто-небудзь дапамагае партызанам, то тады ўсім — смерць.

Мы кожны дзень жылі ў страху, бо кожны дзень мог стаць астатнім. Вось як было.

Калі ўжо немцы адступалі, то мы ў лес уцякалі. Страх, што тут рабілася. А калі ўжо немчуру тую прагналі, то свой дурань знайшоўся ды ўсю вёску спаліў. Вось тут недалёка дом стаяў, у якім жыў адзін пажылы мужчына. А падлетак ружжо недзе знайшоў і нёс яго. Той мужык запытаў у хлопца: "Ці трапіш ты ў гэтую бярозку?" А бярозка тая побач з гумном стаяла. Вось ён і трапіў у яго. Куля запальнаю аказалася. Успыхнула гумно ў адно імгненне вока, а за ім па чарзе ўсе хаты. Яны тады ў нас густа стаялі, саломна крытыя, вась і загараліся. Мы, у чым стаялі, выбеглі, нават хлеба не паспелі ўзяць, што мама спякла. Усё сяло згарэла, толькі з краю дамоў два ці тры засталася. Вось як было. Гэта сталася праз год пасля вайны. Пры немцах цудам уцалелі, дык пасля іх чуць не пагінулі.

Потым жыццё паціху пабегла. Я падрасла. Замуж пайшла, сына нарадзіла. Ён у мяне ў Гарнастаевічах жыве, дапамагае ва ўсім. А мужа даўно няма. Удава я. Так вась і жыву.

Марыя Фёдараўна расказвае і па ўпалым, густа пасечаным маршчынкамі твары збягаюць слёзы. Я разумею: зноў ад успамінаў пачала крываваць рана. Яна незагойная. Як і памяць.

Кобрынец, Я. Незагойная рана памяці: [аб расстрэле жыхароў в. Навасады Свіслацкага раёна] / Я. Кобрынец // Свіслацкая газета. — 2013. — 2 ліпеня. — С. 3

Мне доўга-доўга сніўся лагер

Ядвіга КОБРЫНЕЦ

Кожны раз ідучы на сустрэчу з людзьмі, перажывушымі вайну, не пакідае пачуццё віны, што зноў закрупу зацянутую часам, але ўсё яшчэ балуючую рану ўспамінаў.

Так было і на гэты раз, калі я спыталася да былога вязня фашысцкага канцлагера Веры Іванаўны Віцёрскай.

Сталая, але не згубіўшая жаночай прывабнасці жанчына сустрэла мяне прыветна, як прасілу ва ўтульны пакой.

І вось мы вядзем з ёю размову аб падзеях, якія адбыліся ў яе жыцці больш за 70 гадоў таму.

— Мне было 8 гадоў, калі вайна пачалася. Памятаю, як мы хаваліся ў кустах, дзе зараз вуліца Кастрычніцкая, потым у склепе ў суседкі. Бабулька там жыла, зараз не памятаю, як яе звалі, а прозвішча Малахвей.

Тата наш конюхам працаваў, дык адвёз нас у Каласы, але ж немцы прымусілі яго прывезці нас назад. Ён прыехаў за намі, а тут ужо і немцы падаспелі. Сказалі: «Выбірайце, альбо ў Германію, альбо зараз тут усіх страляем». Мама плакала, мы таксама крычалі на ўсе галасы. Нашай самай маленькай сястрыцы ўсяго гадок споўніўся.

Вось нас і павезлі. А калі праязджалі праз лес, пачалася страляніна, і нашага тату забіла. Далей мы ўжо без яго ехалі. Прывезлі нас у Кёнігсберг, у канцлагер. Быў такі доўгі-доўгі барак са шчылінамі. І нары ў два паверхі. Мы, дзеці, глядзелі праз тыя шчыліны, што там робіцца на вуліцы, бо спачатку баяліся выходзіць. Бачылі, як прывозілі здохлых звяроў з запарка і з іх варылі для нас пахлёбку з дабаўленнем брушкі. Елі, куды дзенешся, калі жыць хочаш. І маленькая наша Леначка таксама мусіла есці.

Потым я пазнаёмілася з дзяўчынкай Дашай, а яе тата конюхам працаваў. Ён штодзень вывозіў з лагера памерлых. Накідаюць на воз, як дровы, і ён вязе некуды. Мы не ведалі куды. Пэўна, спалывалі тыя

Дык яе тата часам прыпаднімаў калючы дрот у такім месцы, дзе немцы не бачылі, і мы з Дашай беглі ў горад жабраваць. Некаторыя немкі добрыя былі, давалі нам што-небудзь з ежы, ці нават свае картачкі, каб мы па іх хлеба купілі, але часцей білі нас, мы не раз падалі ад тых кухталёў на тратуар, пабітымі вярталіся ў лагер. І ўсё ж прыносілі хоць што-небудзь пасці і дзяліліся з іншымі. Вось так і жылі.

Недзе непадалёку стала нямецкая знітка, і аднойчы бомба ўпала на наш лагер. Шмат людзей загінула, а тых, хто застаўся, павезлі ў другі лагер, ён прама на моры знаходзіўся. Прывезлі нас зноў у такія ж баракі. А потым павялі ў баню. Калі той бані высокая труба стаяла, і з яе чорны дым валіў. Нас мама распранула, а адзенне ўсё ў адной горбе ляжала. Чалавек па дзесяць заходзілі ў шырокія дзверы, а назад не вярталіся. І вось падышла наша чарга туды заходзіць, а тут снарад трапіў у тую трубу, дымам усё зацягнула, і мы схаваліся, што было бліжэй з адзення і кінуліся ў свае баракі. Так Бог нас выратаваў, бо тых людзей, што заходзілі ў «баню», спалывалі. Гэта быў лагер смерці Дохаун.

У бараках стаялі печкі «буржуйкі», але мала яны цяпла давалі, вецер свістаў са шчылінаў. Мы, дзеці, бегалі па тым баракі і так грэліся трохі.

Кармілі яшчэ горш, як у першым лагера, прывозілі такую ж здыхліціну, варылі, дабаўлялі трохі пярлоўкі, брушкі. Не было вады, а вельмі хацелася піць. Я аднойчы пайшла, каб прынесці вады, а мяне заваліла нейкімі дошкамі. Я чуць не памерла пад імі. Потым людзі мяне вывалаклі, маме сказалі, яна мяне забрала адтуль.

Усіх старэйшых на работу ганялі завалы разбіраць. А мы, дзеці, адны заставаліся. Мама вярталася ў барак змучаная, часам усе калені былі здертыя, гэта яна паўзком ратавалася, калі пачыналі страляць.

Людзі часта паміралі.

Мы таксама не думалі, што выжывем. Пастаянна мучыў голад і неперадавальны страх.

А потым, калі ўжо нашы былі блізка, мужыкі ўсе сабраліся, забілі начальніка лагера і адчынілі вялікія вароты. Як мы беглі! Людзі падалі, а ўцякалі. Мы спачатку хаваліся за вялікім каменем, а потым пабеглі ў дом, у падвал. А там немцы. Загадалі жанчынам распрануцца, забралі ў іх адзенне, пераапрунулі ў жаночыя сукенкі і пабеглі, а мы там засталіся. Тут снарад у дом трапіў і нас заваліла ў тым падвале. Мы доўга крычалі праз маленькія падвальныя акенцы, і нас, дзякуй Богу, пачулі нашы салдаты, раскапалі выхад, і мы выйшлі на волю. Колькі радасці было!

Памятаю, як нас, дзяцей, салдаты перадавалі з мора на сушу. Мы з мамай зайшлі ў нейкі дом пусты. Там яна знайшла для нас адзенне і чаравічкі, бо мы былі ў драўляных аб'яках. Потым нас адправілі на нейкі пункт, і мама засталася там працаваць. Яна даіла кароў.

Дамоў мы вярнуліся

толькі ў 1947-м. Мама там другі раз замуж выйшла, і сястрычка ў нас нарадзілася ўжо тут, у Свіслачы.

Першыя галы лагер сніўся амаль кожны дзень. Усё некуды ўцякала, хавалася ад немцаў. Страх доўга не праходзіў, а смак паранай брушкі да сёння памятаю. Не дай Бог вайны. Нічога страшнейшага няма на свеце.

Вера Іванаўна разпораз выцірае слёзы, потым выходзіць з пакоя, каб выпіць таблетку, і мяне яшчэ больш сціскае пачуццё віны. Гэтую добразвычліваю жанчынку лёс не пеціў. Мала, што перажыла такія жахі ў час вайны. І потым не аднойчы бда стукалася ў яе хату. Пахавала траіх сясцёр, нявестку, унука. Здароўе даўно падводзіць, але яна не страціла духоўнай сілы і чапляецца за жыццё як даць рады.

Дзякуй вам за ваш сумны аповед, дарагая Вера Іванаўна. І даруйце мне, што прымусіла вас яшчэ раз усё ўспомніць. Няхай міласэрны Бог залечыць вашы душыўныя раны і прадоўжыць вашу жыццё.

Кобрынец, Я. Мне доўга-доўга сніўся лагер: [успаміны В.І.Віцёрскай са Свіслачы аб здзеках у канцлагеры ў Кёнісбергу і лагеры смерці Дохаун] / Я.Кобрынец // Свіслацкая газета. — 2014. — 12 лютага. — С.3

Ах, успаміны, успаміны...

Марыя САМАЛЕВІЧ,
в. Грынкі

Імкліва прабегла па зямлі прыгажуня-вясна. Ужо лета сыпле дажджом.

У такія дажджлівыя дні і думкі прыходзяць не асабліва радасныя. Аляксандра Іосіфаўна Цыбовіч колькі гадоў сам насам са сваімі думкамі, з адзінай "сяброўкай" — бяссонніцай.

З вышыні свайго ўзросту — у сакавіку споўнілася 88 — яна добра разумее, што адна толькі сцежка і засталася ў жыцці — на той ясны і светлы пагост, дзе даўно ўжо адпачываюць усе яе родныя і блізкія. Праз доўгія гады яна нясе невытрымальны боль за ўсе свае страты...

Акурат на Каляды зімой 43-га малую кволю дзяўчынку Шуру немцы забралі ў Свіслач у турму. Разам з ёй туды прывезлі Ніну Мілько з Грынок, яшчэ некалькі дзяўчат. Шуры не было і 16-ці. Колькі наярпеліся страху за два тыдні, што сядзелі ў барак. Немцы зверскі білі яўрэйку. А яны, маладзенькія дзяўчаткі, здавалася, ўрасталі ў сцены, так тудліліся ад адчаю і распачы. Пазней дайшлі чуткі, што ўсіх арыштаваных яўрэйку расстралялі. А потым хлопцаў і дзяўчат адвезлі ў Ваўкавыск, пагрузілі ў вагоны і павезлі ў Беласток. Слэз ужо не было, адзін толькі страх напаўняў усю цела. Тры дні іх аглядалі ўрачы — уважліва і акуратна. А потым тры доўгія месяцы Шура правяла ў турме ў горадзе Клайпедзе. Нарэшце яе забраў да сябе на працу "гаспадар". Ён быў не з багатых немцаў. Гаспадарка не вельмі вялікая. Жонка яго ўвесь час хварэла. Вось Шура і стала дапамагаць дома і на агародзе. Апошнія тры месяцы перад Перамогай трапіла ў канцлагер у Варшаве. Працаваць прыходзілася цяжка на лесанарыхтоўках. А сустрэлася дзяўчына з роднай вёскай Бязводнікі напрыканцы вясны 45-га.

Яна вярнулася бадай

З. М. Сахарчук

што ў нікуды. Родны дом згарэў яшчэ перад вайной. Маці з бацькам працавалі як маглі, каб мець свой куток. Паднялі зруб, наладзілі страху — усё паціху, бо сем рацянят было ў сям'і. І толькі-толькі засяліліся, як здарыўся пажар. Хата гарэла ноччу. У адзін момант Шура сцяміла, схапіла малодшага брата Івана і вынесла з дому. Кінула яго на дарозе, а сама са страху ўцякла і схавалася...

З гэтага выпадку цяжка захварэла маці. І з 13 гадоў пайшла Шура працаваць да людзей, каб зарабіць сабе на кавалак хлеба. Усяго тры класы пачатковай школы правучылася дзяўчынка, як пачалася вайна...

Пасляваеннае жыццё было галодным і халодным, але ў людзей ад радасці выявіліся вочы — можна жыць, працаваць, марыць аб будучыні. Шура, як і многія маладыя людзі ў той час, пасыхала зарабляць на жыццё ў Карэлію. Але вельмі хачелася дадому. Яна вярнулася і асела назаўсёды ў сваёй роднай вёскацы Бязводнікі.

Самай вялікай марай Аляксандры было пабудаванне свайго дома. І час дасягнення яе мары быў, бадай, самым цяжкім...

У вялікі, высокі і ўтульны дом сям'я Цыбовічаў перайшла з асаблівай радасцю ў душы...

Апошнія дзесяць гадоў перад пенсіей Аляксандра Іосіфаўна працавала паштальёнам у дружным невялікім калектыве паш-

товага аддзялення Мяльнова. Яна была жаданай у кожнай хаце, і менавіта гэта праца прыносіла своеасабліваю асалоду і

А. І. Цыбовіч

задавальненне.

— Якой цяжкай была паштовая сумка, вы не ўяўляеце, — успамінае Аляксандра Іосіфаўна. — З хаты ў хату выпісвалі часопісы "Советский Красный Крест", "Здоровье", "Работница і сялянка", па тры-чатыры газеты. А колькі лістоў дасылалі. Шмат хлопцаў у арміі служыла. Пад святы адных толькі віншавальных паштовак было не ўпакаваць. Асабліва цяжка прыходзілася ўзімку. Сумтэе, дарогі не відаць, цямнее рана... А паштальёна чакалі ўсе...

Аляксандра Іосіфаўна заўсёды марыла аб вялікай, дружнай сям'і, але лёс не даў ёй дачакацца ўнукаў. Адзіны яе сыноч Пеця так і не прывёў нявесту ў бацькоўскі дом, ніхто не

назваў яе любай бабуляй. Цяжкая хвароба даўно забрала яго, таму шмат гадоў так няўтульна і нярадасна гаспадыні ў светлым доме.

Днямі старшыня Нязбодзіцкага сельскага Савета Марыя Фёларэўна Качко ўручыла Аляксандры Іосіфаўне медаль "70 гадоў з дня вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў". Павіншавала з надыходзячым святам і пажадала моцнага здароўя. А Аксана Пракоп, начальнік паштовага аддзялення Грынкі, уручыла матэрыяльную дапамогу ад дзяржавы. Вельмі расчулілася жанчына: у вачах няпрошаныя слёзы, а ў галаве адразу ўспаміны...

Такі ж медаль атрымала і Зінаіда Міхайлаўна Сахарчук, жыхарка вёскі Грынкі. Зінаіда Міхайлаўна таксама была ў Нямеччыне. Яна трапіла ў Германію ў 43-м годзе, таксама працавала ў гаспадароў і нават не спадзявалася вярнуцца да роднага парога. Але акупант вясной 45-га адпусціў

дадому. Дарога да роднага гнязды была, бадай, самай доўгай у яе жыцці...

На пачатку гэтага года — 8 студзеня — Зінаіда Міхайлаўна адзначыла сваё 90-годдзе...

Хата зноў, як калісьці звінела галасамі дзяцей, унукаў і праўнукаў, любых яе сэрцу людзей. На жаль, за святочным сталом не было мужа Георгія Якаўлевіча, з якім у любові і павазе пражылі яны 56 гадоў. Даўно няма побач і яе сыноў Ігара і Пятра...

Лёсы, людскія лёсы... Яны такія розныя і такія падобныя... Кожная з маіх гераінь была шчаслівай і няшчаснай. Дзякуй Богу, што кахалі, што мелі ішчасце быць маці... Што месца ў жыцці сваё знайшлі...

Самалевіч, М. Ах, успаміны, успаміны...: [аб здзеках і расстрэле яўрэйку у Свіслачы] / Марыя Самалевіч // Свіслацкая газета. — 2014. — 2 ліпеня. — С.10

ПАМ'ЯТЬ

Закрывать круг жизни

Посвящается 76-й годовщине со дня расстрела мирных жителей в урочище Вишевник

Когда нам случается видеть в Свислочи людей еврейской национальности, слышать оживленный разговор на иврите, мы мало удивляемся. Потому что догадываемся, что привело их на белорусскую землю. Как говорят сами гости из Израиля, они прилетают сюда, чтобы закрыть круг жизни.

Чтобы не было в нем бреши, которая образовалась в страшный для их народа период существования нацистской Германии. Фашизм уничтожил миллионы евреев. Не обошла трагическая участь и еврейское население нашей Свислочи. 2 ноября 1942 года в урочище Вишевник были расстреляны 1 536 представителей этой национальности.

ИЗ БОЛИ РОДИЛИСЬ «КОРНИ»

Уже двадцать лет ездит в Беларусь из Израиля Тамара Бородач – организатор и координатор мемориально-туристического проекта «Корни» Международного центра «Израиль – Беларусь». Уроженка города Ивье, она еще в начале 90-х прошлого века определила главное свое предназначение – восстанавливать связь еврейских поколений, возвращать им память о предках, которые жили когда-то в Беларуси, помогать в поиске и обретении родовых корней, безжалостно вытоптаных фашизмом. И у нее на это есть личные причины.

Автор «Корней» Тамара Бородач.

– Любый проект должен быть выстрадан, – говорит Тамара Моисеевна. – Вся моя семья в 1942 году была выбита под корень. Я не знала бабушек и дедушек. Не было у меня никогда дяди, тети, двоюродных братьев, сестер... Не было никого. 56 человек из моего рода лежит в Ивье в одной могиле. Я росла с этой болью. В детстве наивно думала, что люди, которые приезжают к нам в город 12 мая, в день расправы фашистов над местными евреями, – родственники отца. Я ошибалась. Это были лишь оставшиеся в живых счастливые осколки. Те, кто или успел уехать, или вылез из расстрельных ям, или был в

партизанах. История семьи привела к мысли: надо начинать что-то делать. Хотя я не начинала, я продолжала делать то, что делал мой отец, вернувшись с войны, – сохранять память о евреях. Я не люблю и не признаю беспам'ятства. Как дерево не может существовать без корней, засыхает, так и человек не может жить, потеряв связь с прошлым. У каждого должны быть знания о своих отцах, дедах, прадедах. Нет ничего дороже этого.

Сотни людей привезла Тамара Бородач в Беларусь в рамках проекта «Корни». Это дети и внуки тех, кто в довоенные годы жил здесь. В октябре Тамара Моисеевна в третий раз посетила Свислочь. И не одна, а с потомками семьи Финкельштейн, чью устоявшуюся жизнь в нашем городе тоже разрушила война.

СВИСЛОЧЬСКИЕ ФИНКЕЛЬШТЕЙНЫ

Один из одиннадцати приехавших на землю отцов – Ицхак Финкельштейн. Его отец – Соломон Финкельштейн – был родом из Свислочи. Уехал в Палестину в 1925 году. Там встретил девушку Сашу. Оказалось, что она тоже родом из белорусской Гродненщины, из Луно. Молодые люди поженились. Чуть позже вслед за Соломоном подался в Палестину его братья Хлявнэ и Цви. Перед приходом немцев, практически перед случившейся со свислочскими евреями трагедией, успела уехать из местечка и сестра Мирча, которая в Палестине вышла замуж за парня по фамилии Березницкий, тоже уроженца Свислочи.

В музее внимание гостей из Израиля привлекает макет довоенной Свислочи.

Своим отъездом эти члены семьи Финкельштейн смогли сохранить себе жизнь. Иначе сложилась судьба сестры Соломона Хаи Сары: она осталась на родине отца, не желая отсюда уезжать, и погибла в Вишевнике.

– Семья Финкельштейнов, живущая в Свислочи, – была очень большой, – рассказывает двоюродный брат Ицхака Мэнахэм Залуцкий (мама Ицхака Саша – сестра отца Мэнахэма). – В маленьком местечке многие были между собой родственниками. Приходились друг другу двоюродными, троюродными, дядями, тетями... Финкельштейны держали мясной магазин, небольшие заводы по производству кожи... Жили, работали, любили, росли и дети. Как все. Нелегкое время заставило многих покинуть насиженные места. Те, кто не успел уехать до войны, погибли...

Все время пребывания в Свислочи в руках гостей из Израиля книга воспоминаний евреев о Свислочи. По ней, к слову, сделан макет довоенного местечка, выставленный в районном историко-краеведческом музее (интересно, что здание, где сегодня размещается музей, – это бывшая еврейская корчма). Гости побывали там и жадно ловили каждый факт, рассказанный экскурсоводом о бывлой Свислочи. То и дело заглядывали в свою книгу – и связывались ниточки между прошлым и настоящим.

Побывали гости и в здании еврейской синагоги (сейчас это сектор по работе с детьми и молодежью). С замиранием сердца рассматривали уцелевшие надгробные

Этот снимок сделан в Свислочи в 30-е годы. На нем – семья Финкельштейн.

плиты с еврейского кладбища. И – о чудо! – на одной из них Ицхак прочел имя мамы своего дедушки Давида. В глазах стояли слезы радости, а сердце разом наполнило непередаваемые чувства ощущения и обретения своих корней.

– Это удивительно и так важно! – восклицал Ицхак – здесь была похоронена моя прабабушка! Последним – и самым важным! – пунктом в маршруте по Свислочи мне стал Вишевник – скорбное место, свидетельство трагических событий 1942 года, куда неизменно велит возвращаться семейный зов. Да, случившееся нельзя изменить. Но и нельзя изменить памяти о нем.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

– Еврейская история очень трагична, – говорила, уезжая из Свислочи, Тамара Бородач. – Привозить в Беларусь еврейские группы – это значит постоянно бередить незаживающие раны. Но, добиваясь по главному маршруту в поиске семейных корней, не упускаю возможности показать иностранцам саму страну, ту Беларусь, которую знаю и люблю. Говорят, можно менять место жительства, но место рождения поменять нельзя. Мое сердце здесь, в Беларуси...

Наверняка частичка Беларуси остается и в сердцах тех евреев, кто побывали у нас в гостях. Вернувшись в Израиль, они расскажут о поездке знакомым, создадут о ней альбомы и фильмы... И покатаются волна по далекой стране. И найдутся те, кто корнями связан со Свислочью. И обратятся они к Тамаре Моисеевне с просьбой свозить их на белорусскую землю. И после нее, хочется верить, закроется брешь на еще одном круге чьей-то жизни.

Наталья ТУРКО.

Турко, Н. Закрывать круг жизни: [о расстреле евреев в урочище Вишевник Свислочского района] / Наталья Турко // Свислочьская газета. – 2018. – 3 листопада. – С.10

Не в пору рожденные...

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. На территории Беларуси развернулись тяжелые оборонительные бои. А затем на долгие три года установился жестокий оккупационный режим. С каждым годом все меньше остается свидетелей тех страшных событий. И их воспоминания – это целая история.

В далеком 41-м Антонине Петровне Михальчик было 10 лет. Дети тогда не понимали всего смысла слов «фашисты напали, началась война». Осознание пришло только тогда, когда первые отряды немцев ворвались в ее родные Вилейши. «Взрослые были очень обеспокоены, но не суетились, разговоры вели тихо, – рассказывала Антонина Петровна. – Детям лишний раз запрещали выходить на улицу, всю живность прятали».

С болью в сердце и слезами на глазах вспоминала она годы оккупации. Навсегда отпечатались в ее детской памяти смерть родных и близких людей. Часто во сне она видела, как ее тетю Марию, которая была на восьмом месяце беременности, немцы завели за сарай и расстреляли за связь с партизанами. Как их соседку, партизанскую связную, фашисты за волосы притащили к дому, а всех жителей деревни согнали смотреть на казнь.

Помнила Антонина Петровна, как по ночам приходили

партизаны, стучали в окно, и им передавали хлеб, картошку и другие продукты. Часто вспоминала командира Василия Петухова, который жил у них, его слова, что мы разгромим врага. Не любила она рассказывать о войне, но ее дети, внуки и правнуки всегда будут помнить рассказы Антонины Петровны о тех жестоких событиях.

К сожалению, пока материал готовился к печати, Антонины Петровны не стало. Но подрастают ее правнуки, выросшие на рассказах прабабушки Тони, которые с детства ценят мир и спокойствие в стране. Некоторые из них уже со школьной скамьи мечтают стать офицерами и достойно служить своей Родине. И как будущие защитники Отечества будут делать все, чтобы никогда не допустить повторения кровопролитных событий.

Татьяна БЕБЕХ,
ведущий специалист
особленной группы
Свислочского района.

«Свислацкая газета» совместно с районным советом ветеранов дают старт новому проекту «Дорога к памятнику», приуроченному к 75-летию освобождения Беларуси и Великой Победы. На протяжении двух лет мы будем рассказывать вам о памятниках, расположенных на территории нашего района, о новых именах солдат и офицеров, погибших в годы Великой Отечественной войны, деятельности органов местной власти и учреждений образования по увековечиванию памяти погибших и благоустройству историко-культурных сооружений. Первый наш обзор пройдет по захоронениям, находящимся на территории Хоневичского сельского совета.

СОЛДАТ И ПАРТИЗАНКА

Цветков Николай Афанасьевич, уроженец д. Трубники Красносельского района Могилевской области, считался пропавшим без вести в 1941 году при прохождении службы в 15 стрелковом полку 49 стрелковой дивизии заместителем командира батареи.

16 июля 1944 года в братской могиле в Хоневичах захоронили 98 военнослужащих и участников сопротивления, из которых 27 известных и 71 неизвестный. В честь отважных защитников Отечества в центре агрогородка в 1965 году возвели памятник. Фигура солдата со знаменем и партизанка с автоматом на постаменте с мемориальной доской являются объектом историко-культурного наследия Республики Беларусь. Его заказали и привезли из Харькова в разобранном виде, а собрали уже на месте.

Торжественно прошло открытие памятника с участием первого секретаря райкома партии, председателя райсполкома, родственников погибших военнослужащих и мирных жителей. Состоялся митинг и салют. Для сельчан это стало большим и значимым событием.

В этом году удалось установить личность одного неизвестного солдата, похороненного в братской могиле. Им оказался рядовой Трохин Н. Т. В ближайшее время мемориальная доска на памятник будет обновлена и дополнена новым именем.

12 июля 1941 года в деревню Хоневичи ворвались фашистские захватчики. Немцы заходили в дома, выводили тех, кто был, кого не было – искали. Всех посадили в машину и отвезли в Подороск, где была вырыта яма, – и расстреляли. Среди расстреля-

ных были члены колхоза с председателем Фунтом Ф. П., рабочие, участвовавшие в разделе колхозного имущества. Так погибли 22 человека из деревни.

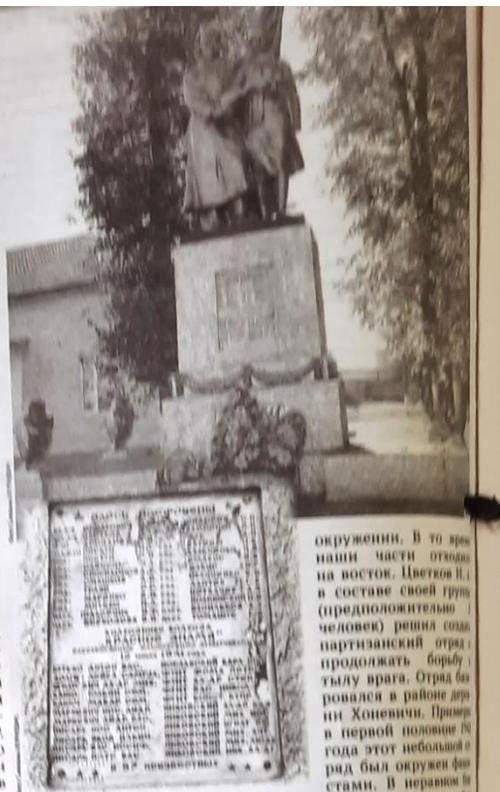
Перед возведением памятника в 1965 году их останки перезахоронили в братскую могилу вместе с воинами, которые участвовали в боях за освобождение нашей Свислочки. Сюда же в канун праздника Великого Октября перенесли останки трех неизвестных солдат, захороненных возле лесной землянки в д. Тереховичи.

ОРДЕН ЦВЕТКОВА

Летом 1981 года в результате поисковой работы на лесной землянке ученики Хоневичской СШ обнаружили не только останки советских воинов, но и орден Красного Знамени. С тыльной стороны виден его номер – 12776. Свою находку ребята передали в райвоенкомат, чтобы установить, кому могла принадлежать награда. И вскоре начался поиск...

Активное участие в поисковой деятельности принимал коллектив районной газеты «Завезы Налича» во главе с редактором Смольновым Олегом Петровичем. Продолжительное время редактор вел переписку с архивом Министерства Обороны СССР, Центральным государственным архивом Советской Армии и отделом наград Президиума Верховного Совета СССР. В результате выяснилось, что орденом № 12776 был вручен одному из трех погибших в землянке, командир взвода артиллерийской батареи младшему лейтенанту Цветкову Николаю Афанасьевичу в 1940 году за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с финской белогвардейщиной.

Также Смольнов О. П. нашел родственников погибшего и наладил с ними переписку. Вот что в письме от 12 октября 1981 года рассказывает сестра Марина: «Сообщаю, что известий никаких мы не получали с самого начала войны. Семьи его в живых нет, так как она

№	Фамилия	Имя	Отчество	Дата рождения	Дата смерти	Место захоронения
1	Александров	Иван	Иванович	1912	1941	Братская могила в д. Хоневичи
2	Борисов	Петр	Петрович	1915	1941	Братская могила в д. Хоневичи
3	Васильев	Сергей	Сергеевич	1918	1941	Братская могила в д. Хоневичи
4	Григорьев	Александр	Александрович	1920	1941	Братская могила в д. Хоневичи
5	Давыдов	Михаил	Михайлович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
6	Зайцев	Владимир	Владимирович	1919	1941	Братская могила в д. Хоневичи
7	Козлов	Анатолий	Анатович	1921	1941	Братская могила в д. Хоневичи
8	Кузнецов	Юрий	Юрьевич	1916	1941	Братская могила в д. Хоневичи
9	Левченко	Василий	Васильевич	1914	1941	Братская могила в д. Хоневичи
10	Мельников	Александр	Александрович	1918	1941	Братская могила в д. Хоневичи
11	Морозов	Сергей	Сергеевич	1920	1941	Братская могила в д. Хоневичи
12	Новиков	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
13	Орлов	Владимир	Владимирович	1919	1941	Братская могила в д. Хоневичи
14	Петров	Александр	Александрович	1916	1941	Братская могила в д. Хоневичи
15	Рябенко	Александр	Александрович	1918	1941	Братская могила в д. Хоневичи
16	Сидоров	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
17	Смирнов	Александр	Александрович	1919	1941	Братская могила в д. Хоневичи
18	Ткачев	Александр	Александрович	1918	1941	Братская могила в д. Хоневичи
19	Трошин	Николай	Николаевич	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
20	Федотов	Александр	Александрович	1919	1941	Братская могила в д. Хоневичи
21	Филиппов	Александр	Александрович	1918	1941	Братская могила в д. Хоневичи
22	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
23	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
24	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
25	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
26	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
27	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
28	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
29	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи
30	Харченко	Александр	Александрович	1917	1941	Братская могила в д. Хоневичи

окужении. В то время части отходили на восток. Цветков Н. Т. в составе своей группы (предположительно 1 человек) решил (сам партизанский отряд продолжал борьбу с тылу врага. Отряд базировался в районе деревни Хоневичи. Примерно в первой половине 1941 года этот небольшой отряд был окружен фашистами. В первом же бою красноармейцы сражались до конца. Из него не осталось никого.

ПАРТИЗАНСКАЯ ГОСТИНИЦА

В первые дни войны население своей малой родины лишилось сельчан. Жители Соболья и окрестных деревень составили подпольную организацию, возглавлял которую ВинCENTий Викентьевич. В этой группе в 1942 году действовал же руководством был создан партизанский отряд. Партия распространяла листовки, газеты, призывая население к вооруженной борьбе.

За гостеприимство в деревне Соболья партизаны «партизанской гостиницы» О смелости и отваге партизан свидетельствует тот факт, что в 1943 году в ходе решительных действий им удалось освободить жителей этой деревни. Фашисты окружили и полностью уничтожили. Партизаны полностью уничтожили. Партизаны расстреляли 89 человек были активисты, партизаны и их семьи. В честь отряда подпольщиков в деревне установлен памятный знак.

(Продолжение в следующем номере)

Ученики Хоневичского ДС СШ наводят порядок возле памятного знака в д. Соболья

Это письмо, как и вся переписка, были опубликованы в районной газете от 16 января 1982 года.

СРАЖАЛСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО

По данным историко-краеведческого музея школы (статья офицера военкомата Д. Дрозда), в июне 1941 года небольшая группа бойцов Красной Армии во главе с младшим лейтенантом Николаем Цветковым оказалась в

Более 100 человек, проживающих на территории Хоневичского сельского совета, оптимизировали во время на фронте, в партизанском отряде и в тылу к арктике. 203 солдата и офицера были участниками боевых заданий. 128 мирных жителей были расстреляны за связь с партизанами или за непомощность оккупантам. 12 человек вернулись в родные места.

Страницу подготовила Снежана ЖУРНЕВИЧ

«Свіслацкая газета» совместно с районным советом ветеранов продолжают проект «Дорога к памятнику», приуроченный к 75-летию освобождения Беларуси и Великой Победы. В нашем проекте мы рассказываем вам о памятниках, расположенных на территории Свислочьского района, о новых именах солдат и офицеров, погибших в годы Великой Отечественной войны, деятельности органов местной власти и учреждений образования по увековечиванию памяти погибших и благоустройству историко-культурных сооружений. Второй наш обзор пройдет по захоронениям, находящимся на территории Порозовского сельского совета.

В центре городского поселка Порозово находится братская могила советских воинов 391-го и 422-го полков 170-й Речичской стрелковой дивизии 48-й армии 1-го Белорусского фронта, партизан, мирных жителей, которые погибли при освобождении Порозово и Свислочьского района от немецко-фашистских захватчиков. Здесь похоронены 130 человек, из них до недавнего времени было 99 известных и 31 неизвестный. Сейчас мемориальная доска пополнилась новыми десятью именами. Памятник включен в список историко-культурного наследия Республики Беларусь. На месте братской могилы он установлен в 1960 году.

Имена тех, кто отдал свою жизнь за нашу свободу и мир, вписаны в историю. И мы, современное поколение, бережно ее храним. А как же быть с теми героями, которые до последнего боролись, но остались в тени или совсем неизвестными? Ответ на этот вопрос до сих пор ищут ученые, историки, педагоги, учащиеся, дети, внуки и правнуки, которые потеряли своих родных и близких в годы Великой Отечественной войны. Поисковая деятельность ведется и в наши дни, всплывают новые факты, устанавливаются неизвестные имена погибших, места их захоронения. Большая работа в этом направлении ведется на территории Порозовского сельского совета, и всячески этому способствует председатель сельсовета Виктор Акулович. Активное участие в поиске информации Виктор Вацлавович принимает сам, а также оказывает содействие Порозовской ЦШ. В итоге совместной работы было найдено немало интересных фактов, установлены имена неизвестных солдат, о которых мы должны знать и

помнить.

ПРОСЬБА ВНУЧКИ

А с чего же все началось? Летом 2016 года в г. п. Порозово приехала москвичка Светлана Евгеньевна Замчалова. Она обратилась в сельсовет с просьбой разыскать место захоронения ее бабушки и дедушки – Корнилович Марины Никитичны и Корнилович Степана Павловича, расстрелянных фашистами весной 1944 года в деревне Новосады. Матери Светланы Замчаловой, Сухининой (Корнилович) Анне Степановне, было 5 лет, когда родители убили за связь с партизанами. Она всю жизнь хотела найти могилу родителей. К сожалению, в 2015 году Анны Степановны не стало. Но ее мемуры решила воплотить дочь. Это и привело Светлану Евгеньевну на Свислочьчину.

Данная просьба вполсилы стала темой авторской работы «Новые имена на мемориальной доске» выпускницы Порозовской ЦШ Дианы Акулович. Ее труд был представлен на VI Открытой областной краеведческой научно-практической конференции «Край Гарадзенскі», а также на XII Международной молодежной научно-исследовательской конференции «Великая Отечественная война в исторической памяти народа», где занял второе место. Учитель истории Татьяна Кухарчик помогла и руководила работой.

НОВЫЕ ИМЕНА

Исследование началось с изучения материалов районной книги-хроники «Память». В ней нашлись сведения о том, что Корнилович Мария (имя записано без отчества), 1908 г. р., бывший председатель Лесковского сельского Совета, расстреляна в 1944 году за связь с партизанами и похоронена в г. п. Порозово. Там же записано,

что Корнилович Степан Павлович, 1904 г. р., расстрелян в 1944 году. О месте захоронения сведения отсутствуют. Эти данные натолкнули на мысль, что супруги могут быть похоронены в братской могиле в центре Порозово. Однако в списке имен на мемориальной доске обелиска такие фамилии не значились. В ходе дальнейших работ были обследованы все места захоронения, находящиеся на территории Порозовского сельского совета, но поиски не дали результатов. Свет на эту историю пролила единственный живой свидетель кровавых событий Лидия Федоровна Зайко, которая проживает в д. Новосады. Она рассказала о расстреле и показала место, где это произошло.

«Я родилась и выросла в Новосадах. Наш дом стоял на этом же месте, где и сейчас. Корни-

Анна Корнилович.

лович Мария Никитична была у нас председателем Лесковского сельского совета. Жила она тоже недалеко от нас. Где работала ее муж, я не помню. Когда арестовали наших людей, их держали в доме, что стоял напротив на-

Братская могила в центре г. п. Порозово.

шего, через дорогу. В этом доме и размещался сельсовет до войны. Их там были и Корниловичи, а также жена советского офицера Таяниса с дочкой Ларисой. Их я запомнила очень хорошо. Весной 1944 года их всех расстреляли за соседским домом. Помню, как все встало мимо. Муж моего отца, Федор Иванович, заставил закопать убитых. После войны в 1962 году приехали солдаты и перезахоронили их останки в Порозово в братскую могилу, — своими воспоминаниями Лидия Федоровна поделилась с исследователями два года назад.

Позже некоторые данные очевидцы подтвердили. Таянис Владимирович Свистичинский, родственник расстрелянной Корнилович Марины Никитичны, проживающая в пос. Кольбальники.

Факт перезахоронения останков людей в братскую могилу в г. п. Порозово в 1962 году подтвердили в отделе идеологии, культуры и по делам молодежи Свислочьского райисполкома. Этим и объясняется отсутствие фамилий на обелиске, так как монумент был воздвигнут в 1960 году.

Электронную переписку с внучкой Корнилович Марины Никитичны и Степана Павловича, Светланой Замчаловой, вел куратор работы Татьяна Кухарчик.

«Мама мало что рассказывала. Ей было на тот момент 5 лет. Видимо, самым ярким моментом в ее памяти сложилось то, как родители уводили ее на расстрел (чаще всего она упоминала только это). Говорила, что мама с папой были партизанами. И когда они тайком приходили повидаться с ней и братом, их кто-то предал. К сожалению, после смерти мамы ее дом сгорел и никаких фотографий не осталось, кроме одной, но она в очень плохом качестве», — поделилась в письме Светлана Евгеньевна, а также переписала единственную фотографию.

По завершении исследования было принято решение о необходимости занесения списка расстрелянных жителей д. Новосады на мемориаль-

ную доску братской могилы в г. п. Порозово. При содействии местной власти осенью 2017 года мемориальная доска пополнилась новыми именами, которые были установлены в ходе исследовательской работы.

ИСТОРИЯ

СЕМЬЯ КОРНИЛОВИЧЕЙ

Мария Никитична и Степан Павлович Корнилович жили в д. Новосады. В 1950 г. у них родилась дочь Анна, а в 1945-м — сын Евгений. В 1939 г., когда произошло присоединение Западной Белорусии к БССР, Мария Никитична стала председателем Лесковского сельского Совета. Звание сельсовета базировалось в одном из домов деревни Новосады. Спокойная и мирная хозяйка сельхоза заведывалась колхоз в родные места парнички немцы. Люди старались выжить, как могли, работали на земле, чтобы прокормить свои семьи.

Но после того, как в окрестностях начали появляться партизаны, фашистские заводы-участки стали проводить расстрелы мирных жителей в соседних деревнях Лидяны и Кулевичи. Мария Никитична и Степан Павлович понимали, что семью председатели сельсовета тоже не пощадят, поэтому ушли в партизаны. Но в деревне остались их дети: пятилетняя Анна и семимесячный Евгений, которых воспитывала тетя Степана Павловича, Конечно, родители тосковали по малышам и ночью тайком их проведывали. В одно из таких прощаний их кто-то выдал. Они вместе с ними арестовали еще некоторых жителей еще. Все арестованных несколько дней допрашивали, а потом вывели в поле и расстреляли.

Аню и Женю воспитывали сестры Марины Никитичны, а когда дети повзрослели, то разъехались кто куда. Анна отправилась в Казахстан, где и прождала всю жизнь, а Евгений судьбу забросил в Германию.

Подготовила
Снежана ЖУРНЕВИЧ.

Семья Корниловичей на фото, хранящаяся в музее Порозовской ЦШ.

Судьба человека

Смотрю телевизор. С экрана то и дело раздаются вопли и крики людей. Выстрелы, пулеметные очереди, разрывы снарядов, непонятная иностранная речь – все это из разном все больше и больше поражает героизму советских солдат, которые первыми вступили в неравную схватку с фашистской ордой, защищая нашу Родину. Рядом сидит моя теща Вера Антоновна Болбот (девичья фамилия – Дацкевич). Осенью прошлого года ей исполнилось девяносто пять лет. Стала плохо видеть, да и слух не тот. Как-никак, а годы берут свое... – А что это за стрелки такая в телевизоре? – интересуется баба Вера (так мы ее называем). – Небокс, боевик смотришь? – Да нет, не боевик, – отвечаю я, – кино смотрю про Брестскую крепость. – А-а-а... Говоришь, про Брестскую крепость... Значит, про войну... – и покачала головой, задумалась. Отключился от телевизора, я тайком наблюдал за ней и видел, как лицо ее изменилось, загорелись глаза и взгляд устремился куда-то в неистовую даль, в то далекое детство и обожженную войною юность...

Родилась Вера Антоновна Дацкевич в 1923 году в деревне Тиховоле в крестьянской семье. Имели небольшой клочок своей земли. Отец – Антон – подрабатывал в лесу на вывозке древесины. Мать – Пелагея – занималась воспитанием детей и хозяйством. Шестеро детей было у Дацкевичей. А так как Вера в семье была старшая, то на ее хрупкие плечики легла и дополнительная нагрузка – следить за младшими. Да и по хозяйству помогала. В суматохе житейских забот и не заметила, как выросла.

А тут грянула эта проклятая война. Это ее донесло и до Тиховоля... Новость мгновенно разлетелась по всему селу. Зарыдали, заголосили, заламывая руки, женщины. Залплакали дети. Смута зависла над селом. Далекие отголоски бомб и снарядов становились все громче и громче. Враг яростно наступал, тесня Красную Армию. Разбросанные по лесу красноармейцы забегали в дома, просили помощи. Жители Тиховоля чем только могли выручали, снабжая их едой, одеждой.

Вскоре по всей округе застучали кованые немецкие сапоги. Загладела немецкая речь. Власть перешла в руки немцев. Фашисты, не спрашивая хозяев, выгоняли их сараев скотину и тут же ее резали. В один из июльских дней немцы объявили, что жителей вывезут, а село сожгут. Боль и отчаяние охватили сельчан... В тот день прибыло несколько немецких ма-

шин с солдатами. В них рассказывали женщинам с малолетними детьми. Взрослые и подростки должны были ехать на собственных подводах. Груженные домашней утварью и имуществом подводы с семьями выстраивались за селом в один ряд. Пока дожидались последних, запылали деревня, немцы закатывали гранатами и огнеметками поджигали дома. Как спички, вспыхивала одна за другой соломенные крыши, образуя единое огненное пламя. Над селом повисло черное облако дыма... Как траурная процессия тронулись подводы. Люди притихли. Каждый думал о своем. Оборачиваясь назад, крестились. Кто знает, что их ждет там, впереди. С автоматами наперевес шли конвоиры. То тут, то там слышны были короткие автоматные очереди – немцы расстреливали бегущих вслед собак. Раненые, они оставались лежать на обочине.

– Добрились до Свислочи, нас распределили по близлежащим селам, – рассказывает Вера Антоновна. – Попали мы в небольшую деревеньку Гаркавщину. Попросили нас жить в селом. Люди с пониманием отнеслись к нашему горю и приняли в свою семью. Хозяйва оказались поляками. Очень хорошие люди. Жили одной семьей. Хоть и тесновато было, но мы были счастливы, что не на улице...

Но вскоре пришлось собираться в дорогу. Это был 1942 год. Отби-

рали молодежь в возрасте от 14 до 18 лет на хозяйботы в Германию. Среди них оказалась и Вера. Не верилось, что люди такой богатой и красивой страны способны на варварство. Попала к очень богатому пану (бауэру) с его огромными владениями. Имел он много земли. Еще ферма, конюшня, да и полно всякой живности. Работала у немца много людей: французы, поляки, украинцы, русские. Одним словом, многонациональная рабочая семья. Тут же спину в поле приходилось от зари до зари. Приходя с работы, прямо валялись в постель. Угудели руки и ноги. А когда закрывали глаза, всплывали родные березовые рощи, поля и луга с головокружительным ароматом мяты и думалось: «Как там родные? Что с ними?»

Как и заведено у немцев, всякая работа должна была выполняться только качественно, без спешки. За всеми работниками постоянно наблюдало око надзирателя. Кого-то ругали, заставляя переделывать сделанное, а кого и хвалили: «Гут, гут, арбайтен». Вера Антоновна относилась к работе очень добросовестно. За это надзиратель часто хвалил ее, доверял ей самую ответственную работу. На какой-то праздник даже получила подарок – два метра материи.

Запомнился такой случай. Одна из девушек – русская – постоянно ныла и кляла немца-надзирателя за его придирчивость. Какие только слова оскор-

бительные не посылала она ему! (Немец ведь не понимает по-русски.) Тот равнодушно молчал, а она продолжала изо дня в день мучить его. Наконец он не выдержал и на чистейшем русском языке пригрозил, что, если она не замолкнет, то отправит ее на самую тяжелую мужскую работу. От неожиданности потеряла дар речи. Вся задрожала, а потом упала на колени и стала просить прощения. Уже потом узнали, что когда-то в детстве он жил с родителями в России и учился в обычной русской школе. После этого случая уже никто ничего плохого вслух не смел произносить.

Наступил день, когда шла на немецкую землю и погнала фашистов вглубь страны. Проснувшись, работники не увидели, как обычно, надзирателя и своих хозяев. Оказалось, что они сбежали, оставив все свое имущество при прощальной судьбе. А через два дня пришел счастливейший день – выехали из лагеря в лагерь. Плача от радости, они обнимали и целовали своих освободителей. «Мы свободны! Мы свободны!» – кричали вместе с девушками французские пленные, работавшие с ними у немца.

Выбрав себе лучших лошадей и загрузив сани своими вещами (а это было зимой), тронулись в далекую дорогу домой. Чего только не пришлось испытать в пути этим ослабленным молодым девушкам! Ночевали в заброшенных домах, оставленных хозяевами, бежавшими от Красной Армии. Крутом во дворах валялась мертвая замерзшая скотина. Спасаясь от холода, подбирали чью-то разбросанную одежду, надевали ее прямо на себя или зашивали за пазуху, чтобы теплей было. Ели как придется. Страшно было... Недобитые фашисты, не сдавшиеся в плен, прятались где-то.

Через две недели добрались до польской границы. С облегчением вздохну-

Вера Антоновна Болбот.

ли: ведь осталось всего ничего – и ты дома. А там уже кто как. На одной из железнодорожных станций Польши попросилась у машинистов товарника подвести поближе к белорусской границе. И вдруг на одной из станций облава! Трясли все вагоны (наверное, искали кого-то, может, диверсанта). Машинист с кочеваром спрятали Веру под лавку, нагнув сверху мешковину. Затаяв дыхание и трясясь от страха, она читала молитву. Но, слава богу, все обошлось. «Поблагодарила их, угостила последним кусочком сала», – с улыбкой вспоминала баба Вера.

И наконец долгожданная встреча! Слезы счастья... Слезы радости... Не знала Вера, что дома ее ждал приятный сюрприз: в семье появилась на свет еще одна сестричка – Люба. Она с радостью прижала младенца к своей груди, воскликнув: «Вот она, новая жизнь!»

Вскоре хозяева дома, где жила семья Дацкевичей, уехали к себе на родину – в Польшу, а дом остался им. А тут и Победа! Весна 1945-го! Ура! Ко-нец войне.

Шло время. Родители не раз намекали дочери про личную жизнь. «И вот однажды, – говорит баба Вера, – к нашему дому подъехала повозка с наряженными людьми. «Неужели это сваты?» – пронеслось в моей голове. Сердце заколотилось. В висках запульсировала кровь, появилось легкое головокружение. Я растерялась.

Родители встречали гостей. Приняв приглашение, те вошли в дом. Наскоро принарядившись, и я вышла к ним. Лица их сияли. Представили мне жениха. Со смущенным взглядом он поклонился мне и протянул свою руку. «Миша зовут меня», – ска-

зал он. Так свела меня судьба с Мишей Болботом, прекрасным семьянином, трудолюбивым хозяином. А через несколько лет в деревне Тиховоле построили свой дом. К тому времени в семье уже было трое детей. Сами работали в колхозе до самой пенсии».

С той поры много воды утекло. Вот уже тридцать семь лет, как Вера Антоновна живет вместе с нами, у одной из своих дочерей, Галины, в агрогородке Клепачи. Какую безграничную любовь она оказывала нам, будучи молодой! Растила вместе с нами наших детей, своих внучков, помогала по хозяйству, в быту, на приусадебном участке. И на поле совхозном не раз была: полела и убирала свеклу. А летом из леса не вытаскишь!

Время неумолимо бежит, и нет ему возврата, как и нет той молодости. «Жизнь нужно воспринимать в том цвете, в каком она есть. Никто за нас не пройдет наш жизненный путь... Каждый в своей жизни несет свой крест. Главное – быть нужным и полезным людям. Жить не только для себя, но и отдавать частичку себя другим. В этом и заключается смысл жизни», – так утверждает Вера Антоновна.

Мне подумалось: «А сколько таких, как Вера Антоновна Болбот, с их тяжелыми судьбами, еще осталось? Сколько узников концлагерей с номерами на руках? Сколько ветеранов войны еще живут рядом с нами? Мало, очень мало... Доживают свой век старики. Но память о тех, чье детство было обожжено войною, не иссякнет никогда. Нет, не забудется!»

Дмитрий КОЗЛОВСКИЙ, аг. Клепачи.

Баба Вера дает урок вязания и шитья внучкам.

Как нас убивали

По материалам уголовного дела о геноциде

(Продолжение. Начало в № 66)

На сайте Генеральной прокуратуры Республики Беларусь опубликованы материалы уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период – архивные документы, допросы свидетелей, иные доказательства, свидетельствующие о преднамеренном и планомерном уничтожении населения БССР оккупантами и их пособниками. Убийства, пытки, издевательства, насилие, угон на принудительные работы – здесь все.

Продолжаем листать акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

С первых дней оккупации на Свислоччине была начата жестокая антисемитская кампания. В предвоенное время еврейская община в нашем районе насчитывала 5,5 тыс. человек. За короткий период – с 1941 года по ноябрь 1942-го – евреи Свислоччины были уничтожены полностью (за исключением нескольких человек, которые спаслись чудом). Уже в ноябре 1941-го поступил приказ всему населению еврейской национальности Свислочи переселиться в гетто – изолированное и строго охраняемое место. Выход оттуда осуществлялся по пропускам. Еврей, обнаруженный за территорией гетто без пропуска, расстреливался на месте. Им, людям, помеченным желтой звездой, приходилось выполнять самую тяжелую работу, за малейшую провинность – смерть. К осени 1942-го года, с точки зрения оккупантов, гетто уже исчерпало свои функции как переходный этап к акции полного уничтожения евреев. Началась ликвидация оставшихся к тому времени в живых. Вот что о той кровавой расправе, которую учинили нацисты над свислочскими евреями в Вишевнике, о самом массовом на территории района убийстве мирных жителей говорится в акте, составленном в феврале 1945 года: «2 ноября 1942 года Бело-

стокским гестапо зверски расстреляно 1536 человек мирных граждан СССР в лесу «Вишевник» при станции железной дороги Свислочь в расстоянии 2-х километров от г. Свислочь. Упомянутые граждане были согнаны в одно место, им было приказано рыть для себя общую могилу, и потом ставили их на краю могилы по 10–15 человек в ряд и расстреливали выстрелом из винтовки, а детей убивали прикладами и палками. Расстреливаемым приказывали раздеваться до белья. Эта ужасная картина расстрелов, начатая около 2 часов дня, продолжалась до самого позднего вечера, а остальных граждан, которых не успели в тот день расстрелять, заперли в подвал, где они сидели до утра следующего дня и потом таким же образом были расстреляны». Весной 1942 года фашисты убили 354 еврея в Порозово...

Три года и один месяц гитлеровские захватчики и их пособники навели страх на местное население. «В 1941 году в августе Польской жандармерией, комендантом Абвёсла и жандармом Клэком, совместно с немецкой жандармерией были арестованы Пекарь Николай (ст. Свислочь) и Лях Дмитрий (дер. Грицки) за активную работу при советской власти. На восьмой день названные граждане были взяты из-под ареста и расстреляны. По просьбе родственников немецкие власти разрешили похоронить расстрелянных на клад-

бище в гор. Свислочь». В ноябре те же исполнители арестовали Ольгу Боуфал и Аксению Боуфал из Пацуев. Их обвинили в том, что они «укрывали советских бойцов и имели советские флаги с разными лозунгами». Женщин расстреляли на еврейском кладбище.

В д. Рожки «были расстреляны немецкими солдатами четыре безвинных гражданина»: Иосиф Мленник, Александр Ешик, Иван Овсейчик, Осип Костюк. Причина расстрела неизвестна – «без всякого следствия приказали». «В 1941 году 23 июня при занятии станции Свислочь немецкие оккупанты встретили Кардаша Ивана Осиповича с хутора Дуброва». Немецкие солдаты расстреляли его на месте – «как разведчика Советской армии». В 1943 году немецкое гестапо арестовало Антона Снарского, тоже из Дубровы. Он «был посажен на машину и отвезен к д. Горбачи по шоссе на дороге Волковыск – Белосток, где был расстрелян этими же гестаповцами. Причина расстрела – укрывательство советских граждан».

26 февраля 1945 года записаны свидетельства о том, что «житель деревни Раковщина Стокского сельсовета расстрелян немцами 27 июня 1941 года в лесу на скрещении дорог идущей из Раковщины в Яловку и большой почтовой дороги из Яловки в Свислочь».

...Тяжело читать эти документы, воспринимать написанное и принимать. Ведь по сути это списки убитых. В аккуратно выведенных строчках – чье-то имя, чья-то судьба, чьи-то слезы. И боль – наша, общая, одна на всех. «Лукша Владимир Степанович убит в д. Гринки немцами 26 июля 1941 года». За ним – еще 7 человек. Еще 10... Еще...

(Продолжение следует.)

Наталья ТУРКО

Турко, Н. Как нас убивали: [о расстреле евреев в Порозово и Свислочи, мирных жителей деревень Рожки и Раковщина Свислочского района,] / Наталья Турко // Свислацкая газета. – 2022. – 7 верасня. – С.5

В ноябре 1942-го...

▲ В ноябре 1942 года

в этом году 2 ноября исполняется 80 лет со дня массового расстрела мирного еврейского населения Свислочи в урочище Вишевник. События датируются с 1942 года исторической датой.

Первые евреи в Свислочи появились в начале XVI столетия по указу Александра I, изданному в 1504 году. Особенно много их прибыло в местечко при графе Вишневецком Тышкевиче, который специально приглашал их как умелых мастеров для более широкого развития в крае ремесла и торговли. В то время, помимо кожевников, столяров, портняжников, ювелиров, сапожников, печников, конюхов, каретников, маляров и торговцев, считались немцы евреев. Деятельность представителей этой национальности способствовала настоящему развитию знаменитой свислочской ярмарки, организованной графом Тышкевичем в 1792 году. Она ежегодно проходила в местечке с 25 августа по 25 сентября на протяжении 100 лет. К началу 1800 года Свислочи уже была развитым центром торговли и ремесла. Успешно развивалась коммерция, производство, гонимое дело и благотворительность, существовали многочисленные заведения в местечке для евреев. Нам известны завод Шройбмана (год учреждения – 1850-е), завод Сегалера Минца (год учреждения – 1874-е), завод Зин Рубина (1867 г.), табачная фабрика Пинды Яновского.

Около 30% еврейского на-

селения было напрямую или косвенно связано с кожевниной промышленностью. История начала развития этого ремесла в Свислочи датируется 1870-ми годами, когда Пинкес Березинский открыл завод под надзором немецкого мастера-ремесленника. Вскоре подобные фабрики начали открываться и другими евреями местечка. С 1900 года и до начала немецкой оккупации в 1915 году кожевниная промышленность занимала одно из главных мест в экономике Свислочи, где насчитывалось 8 кожевнических фабрик. На каждой из них трудилось от 50 до 60 человек. Наряду с крупными фабриками существовало и около десятка небольших цехов на 6-12 рабочих мест.

Н в 1901 году, по данным Национального архива Беларуси в г. Гродно, по национальному составу из общего числа проживающих (это 5 060 человек) в местечке значится 760 христиан и 2 300 евреев. Начиная с 1924-го по 1939 г. большое количество евреев выехало в Польшу, США, Канаду, Палестину. Многие свислочские евреи внесли большой вклад в развитие народного хозяйства и культуры, достигли значительных успехов в бизнесе, науке и искусстве. Например, Давид Левин (Давид Лис) стал профессором политического наук в университете города Оттава (Канада), Этель Ани – крупным бизнесменом, руководителем большой строительной фирмы. Кстати, оба в 1980 году приехали на родину в Свислочи. Барис Гродман

владеет фактором университета в Нью-Йорке. Голдман (Гольд) – владелец одной из конюшней в Галле, а Лившиц – конюшней в Париже. Уроженка Пинкеса Эстер Рабиц Каминская была исполнительницей еврейского театра в Польше и сама в нем играла. Этот список интеллектуально подготовленных талантливыми людьми, уникальными самородками, не был полным, растонувшей миллионы жизней замученных в концлагерях, сожженных в крематориях, умерших в гетто, расстрелянных, расстрелянных. Только во время Холокоста погибло шесть миллионов евреев. Это половина всего мирового еврейства, живущего в первой половине XX века.

С первых дней оккупации Свислочным фашисты начали жестокую антисемитскую кампанию. Против еврейского населения проводилась политика преследования и террора. Евреям было запрещено появляться в общественных местах, пользоваться транспортом, позволялось ходить только по проезжей части и только по одному, носить желтый с нашивкой на левой стороне груди шестиконечной звездой желтого цвета.

В ноябре 1941-го всем евреям было приказано переселиться в гетто, которое располагалось возле синагоги, в районе «пришколка» – нынешний усадьбы Мельнова, Советской, Горького. За год пребывания в гетто евреев осталось меньше половины, часть отправляли в Германию, часть замучили. Всех выжили, а это 1 336 стариков, женщин и детей. 2 ноября 1942 года фашисты выгнали на торфяную планшад, выстроили в колонну, окруженную с двух сторон немцами с автоматами и собаками, и приказали двигаться в сторону парка в урочище Вишевник. Там все они были жестоко расстреляны. Встрельщики стояли на 10-15 человек в ряд на край выемки, и предначалась только одна пуля. Детей убивали прикладами. Заключенные прощались друг с другом. В засланной земле общей могиле, которую евреи копали себе сами, оказались мертвые, раненые и живые. Жутко поше-

▲ Семья Маджины (Свислочский район)

лилась земля на насхепе прищипанных стон, слышалось стоны. Немцы еще несколько дней стояли в ожидании места трагедии, не давая местным жителям возможности оказать помощь еще оставшимся в живых. Таким образом, из всех проживавших в местечке евреев практически никого не осталось. Вишевник стал последним пристанищем для полутора тысяч человек из свислочского гетто.

Очевидцы вспоминали, что обреченные на смерть шли в свой последний путь смиренно и кротко. В протоколе опроса очевидцев Царевича государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков за 1945 год читаем: «Экзекуция началась около двух часов дня и продолжалась до позднего вечера. Кого не успели уничтожить в первый день, загнали на ночь в подвал и продолжили кровавую расправу утром следующего дня...»

После войны диастора свислочских евреев в Гель-Анне установлена памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны – советским воинам. В Израиле написаны и издаются две книги о жизни и бытии свислочских евреев. Свои историческую Родину неоднократно посещали потомки свислочских евреев из родных Мюнхен, Штутгарт, как каждый раз надеясь найти старый сохранившийся памятник, старинный документ, пожелавшему фотографии и просто побыть на земле своего предка, отдать дань памяти безмерно погибшим 2 ноября 1942 года.

В 1960 году на месте страшных трагедии в Вишевнике был возведен памятник. В 2018-м на месте существующего был установлен новый мемориал на средства Фонда имени Саймона Марка Лазаруса. Этот фонд был основан в 2003 году Давидом и Майя-Лозом Лазарусами, чтобы сохранить память жертв Холокоста в Беларуси. Семья Лазарус из Лондона уже почти 14 лет устанавливает в нашей стране мемориалы на месте массовых убийств евреев. Союз 111-й и 112-й памятные знаки Лазарусы открыли 30 июня 2018 года в урочище Вишевник в г. П. Пинкеса. Сегодня в парках, полях и деревнях по всей стране стоит 132 памятников, 83 из которых разработал белорусский архитектор Леонард Левин.

Людмила ЖУК, научный сотрудник Свислочского историко-краеведческого музея

▲ На месте трагедии в Вишевнике

Как нас убивали

По материалам уголовного дела о геноциде

(Окончание. Начало в №№ 66, 68, 71)

На сайте Генеральной прокуратуры Республики Беларусь опубликованы материалы уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период – архивные документы, допросы свидетелей, иные доказательства, свидетельствующие о преднамеренном и планомерном уничтожении населения ВССР оккупантами и их пособниками. Убийства, пытки, издевательства, насилие на принудительные работы – здесь все.

Беларусь была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками в течение июня – августа 1941 года. Оккупационный режим – планомерная политика фашистской Германии. Система мероприятий на занятых территориях разрабатывалась заранее, еще до нападения на Советский Союз. Главные принципы и направления оккупационного режима были представлены Гитлером в секретном меморандуме «Некоторые мысли об обращении с населением на Востоке» от 25 мая 1940 года. В нем говорилось, что захваченные восточные территории нужно рассматривать как объект колонизации и германизации. Оккупационная политика должна была быть направлена на то, чтобы превратить активную массу населения в полуграмотных рабов. Планировали, но встретили небывалое сопротивление.

С первых дней оккупации на территории нашего района начали действовать подпольные организации. Антифашистская группа появилась в д. Доброволе. В ее состав в числе 18 человек входил комсомолец Михаил Урбанович. Однако добровольцам не удалось развернуть активную подпольную деятельность. Скоро они были схвачены и расстреляны.

Среди материалов уголовного дела о геноциде белорусского народа находим акт от 20 февраля 1945 года. В нем говорится: «28 июня 1941 года с приходом немецко-фашистских захватчиков в д. Доброволе было арестовано полевого жандармерией 15 лучших, преданных Родине советских работников, в числе которых были председатель сельсовета товарищ Панотчик Иван Иванович, секретарь сельсовета Шмыга Антон Андреевич, бухгалтер Жарковского лесозащитка Горденя Василий Иванович, заместитель председателя сельсовета Янковский Алексей Герасимович, заместитель председателя СПО г. Свислочь Шмыга Григорий Петрович, член ВЛКСМ Урбанович

Михаил Андреевич, уполномоченный райисполкома Вербицкий Александр Федорович и преданные сыны социалистической Родины Панотчик Константин Яковлевич и Григарук Никита Васильевич. После 24-часовых допросов и издевательствах в форме выкручивания рук и т.п. на добровольском кладбище они были расстреляны, поле чего лучшая обувь и одежда были сняты жандармерией. Трупы лежали 24 часа, после чего было разрешено их похоронить. Там погибли 9 лучших сынов нашей Родины от рук фашистских палачей, остальные 6 человек были чудом спасены».

За связь с партизанами в Доброволе в 1943 году фашисты повесили семью Василенко: от рук карателей погибли Тимофей Иванович Василенко, его сыновья Алексей и Иван и дочь-комсомолка Паша, партизанская связная. Это была показательная казнь на глазах у всех односельчан... Непреходимая по своей бесчеловечности...

Не обошла война стороной и поселок Порозово. Регулярные гитлеровские войска вошли сюда уже на третий день. Они заняли под штабы и казармы административные здания государственных учреждений (в то время Порозово был районным центром Брестской области), школу, больницу и лучшие дома местных жителей.

Порозовская районная комиссия по расследованию злодеяний фашистов в 1945 году фиксировала: «С начала оккупации враги приступили к выявлению передовой части советского народа и истреблению. В первой половине июля 1941 года по приказанию начальника полевого военной жандармерии в Подороске было расстреляно 18 колхозников д. Новики, 2 колхозника д. Хоневичи и 2 гражданина д. Янополь. Мотив расстрела – помощь оставшимся в окружении частям Красной армии. На самом же деле расстрелянные колхозники никаких связей с окруженными красноармейцами не имели, так как в этот

период окружение части прорвали вражеское кольцо и пробились на восток. Действительные причины этого расстрела – истребление передовой части советского народа. В Новиках был передовой колхоз, и вот эти люди, занимающиеся мирным трудом, после жестоких пыток и истязаний были расстреляны около местечка Подороски и погоронены в пятидесяти метрах восточнее колхозного дома. Погорони прошли без всяких обрядов в общую яму».

И дальше: «Немецко-фашистские изверги в отдаленных деревнях уничтожали все трудоспособное население, не считаясь с тем, что остаются совершенно без надзора дети и совершенно нетрудоспособные старики. Так, в июне 1942 года в д. Корнади Кукличского сельсовета после жесточайших избиений было физически истреблено 25 человек, мирных граждан, не оказывающих сопротивления немецким вооруженным силам. 22 июня 1942 года 11 жителей д. Колонаия Шуричского сельсовета под усиленным конвоем вывезены в урочище Нарковщина и там по одиночке после длительных истязаний расстреляны и зарыты в лесу».

Оккупанты расстреливали белорусов целыми семьями. В д. Соболяки Кукличского сельсовета убиты Параскева Павловна Шабат, 1875 года рождения, Анна Степановна Шабат, 1900 года рождения, Александра Антоновна Шабат, 1930 года рождения. 3 марта 1944 года без всяких причин на Дыравой Горке, что в одном километре от местечка Порозово, были расстреляны мирный житель Порозово Григорий Андреевич Василеня, 1888 года рождения, его дочь Емилия, 1910 года рождения, сын Иосиф, 1929 года рождения, сын Иван, 1930 года рождения, сын Михаил, 1938 года рождения. Всего в поименных списках расстрелянных по тогдашнему Порозовскому району 354 человека. Но эта цифра не отражает всех преступлений фашистов. «Особая» судьба была уготована захватчиками еврейскому населению: гетто, концлагеря, смерть...

Кроме физически оккупированных территорий применялся метод массового угона в рабство. Всего из Порозовского района были вывезены на чужбину 1 032 человека.

Наталья ТУРКО

Турко, Н. Как нас убивали: [о расстреле жителей Порозово, деревень Доброволье, Корнадь, Колонаия, Соболяки,] / Наталья Турко // Свіслацкая газета. – 2022. – 5 кастрычніка. – С.5

Будь проклята война!

■ Доминика Малюк с мужем и младшими детьми.

Великая Отечественная война... Это 1 725 городов и поселков, свыше 70 тысяч сел и деревень, разрушенных и сожженных. Это 900 дней и ночей блокадного Ленинграда и 125 граммов хлеба в сутки. Это 20 часов работы у станка детей. Это голод и холод, тонны сброшенных снарядов и бомб на мирных жителей. Это 1 418 тревожных дней и ночей... Не обошла война стороной и нас, белорусов.

Каратели 322-го полицейского батальона вели дневник, в котором подробно описывали совершаемые зверства в 1941 году. Из него мы узнали, что через месяц после начала войны фашисты в Свислочском районе, выгнав людей из собственных домов в никуда, сожгли Масево (сейчас Польша), Тушемлю, Тиховолю, Бровск, Немержу... Операция по уничтожению деревень и близлежащих хуторов длилась с 22 июля по 8 августа. Полицаями и фашистами было сожжено 34 населенных пункта, эвакуировано 6 446 жителей. Оккупантам нужна была Беловежская пуца: Гитлер мечтал на ее территории создать немецкий лес с арийскими турами для своих охотничьих забав.

Жительница деревни Масево Мария Петренко видела, как оккупанты очень старательно, с немецкой педантичностью каждый дом обливали какой-то горючей смесью, потом подносили зажженный факел. Помнила и о том, что убивали жителей, не желавших покидать насиженное место. Расстреливали коммунистов, евреев и всех несогласных с новым порядком.

Людей насильно вывозили. Трудно им пришлось. Семьи тогда были большие. Так, семья Доминики Малюк (двое взрослых и пятеро детей) нашла кров в деревне Савани. Жилось на новом месте тяжело, голодали, одежда поизносилась. Конечно, помогали местные жители, но и им самим нелегко было.

Мне пришлось побывать на месте небольшой деревеньки Шуневка, что в Докшицком районе. Сожгли деревню вместе с жителями. Это был чудовищный ответ фашистов на активные действия партизан в мае – июне 1943 года. На месте деревни – мемориальный комплекс. Домов нет, только пороги в языках пламени с именами тех, кто жил в них. Здесь памятник Матери. Она в отчаянии тянет руки к небу: «Праклён вайне, што сее смерць на свеце!» Здесь и колодец, куда фашисты бросали живых детей от года до шести. Потом забросали колодец гранатами. Из его пустых недр поднимается воздушный змей с именами убитых. Тишина. Только скорбный звон колокола нарушает ее.

Свислочское гетто

С первых дней войны фашисты установили жестокий оккупационный порядок. Больше всего досталось еврейскому населению.

В ноябре 1941 года все евреи Свислочи и близлежащих населенных пунктов были поселены в гетто – место принудительного переселения, которое находилось в районе нынешних улиц Мельнова, Комсомольской, Горького и Новой.

Им было позволено взять только то, что можно унести в руках и увезти на тачке, и в течение 6 часов переселиться в гетто. Все ценные вещи при переселении отобрали. Гетто было огорожено и строго охранялось. Для контроля за исполнением немецких приказов создали «юденрат» (еврейский совет) и еврейскую полицию. Местным жителям категорически запрещалось разговаривать с евреями и заходить на территорию гетто. А евреям запрещалось появляться без опознавательного знака – желтой нашивки в виде шестиконечной звезды на левой стороне груди и плече.

2 ноября 1942 года 1 536 человек, находившихся в гетто, были расстреляны в урочище Вишевник. Едва стало светать, фашисты выгнали евреев на улицу, не дав опомниться, и приказали построиться в колонну. В основном

■ Памятник в урочище Вишевник.

это были дети, женщины, старики. Колонна двинулась в сторону урочища, где людям велели раздеться до белья. Затем взрослых ставили по 10–15 человек в ряд на краю ямы и расстреливали из винтовок, детей убивали прикладами. Экзекуция началась около двух часов дня и продолжалась до позднего вечера. Кого не успели уничтожить в первый день, загнали на ночь в подвал и продолжили кровавую расправу утром следующего дня.

Памятник убитым свислочским евреям установлен в урочище Вишевник, а также на мемориальном кладбище в Холоне в Израиле.

Страницу подготовила Валентина ХАМЧУК

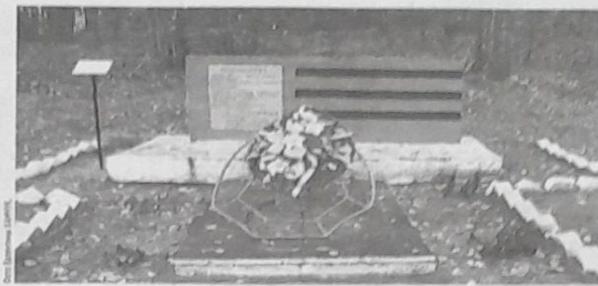
Остались молодыми...

Чтобы оказаться в Задворенцах, нужно проехать или пройти возле памятного знака, установленного в честь местных комсомольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Скорбное место, где тишина леса еще больше усиливает ощущение трагичности заблужденных молодых жизней.

Деревня Задворенцы до войны была довольно многочисленной – 45 домов, в каждом по 5–6 смысленных и озорных ребятишек подрастало. Сельчане имели в собственности кто по 3 гектара земли, а кто и все 5. Правда, включались сюда еще лес и болото, которые под пашню не годились. Так что не все сельчане могли стать зажиточными. Но работали усердно, тем и кормились, так и жили. Сейчас дела обстоят иначе. Всего 4 человека проживает здесь. Мы приехали к коренному жителю Николаю Усевичу, который и поведал нам о бесстрашных земляках-комсомольцах, расстрелянных фашистами в 1944 году.

– Во время войны я был ребенком, – начинает рассказывать Николай Федорович. – Ничего хорошего мы не видели от немцев. Жили в постоянном страхе, потому что пришли чужаки со своими устрашающими порядками. Солтыса назначили, чтобы он беспрекословно выполнял все их прихоти-приказания да за порядком строго следил. Василий Усевич, отец подпольщика Володи, в нашей деревне был солтысом. Он ничего против сельчан дурного не делал, а прикажут ему «яйки», «млеко» собрать, так он и собирал. Ни одного человека фашистам не выдал, сам был связан с партизанами. Это я к тому, что разные они, солтысы, были в войну. Так, в Новоселках (фамилию называть не буду) староста отдал на расправу фашистам подростка лет 12, сбжавшего из горевших Шауличей. Прибежал мальчишка, чтобы спастись, а солтыс его и выдал карателям, как люди ни просили, как ни умоляли его не делать этого, не внял он их просьбам.

Горестно вздыхает мой собеседник. Набравшие скупые слезы смахивает. Что тут немцы! Вспоминается ему и жизнь при Польше. Жилось тоже несладко.

■ Памятный знак в честь расстрелянных комсомольцев.

Отец моего собеседника Федор Романович со своими товарищами не жаловали ту власть, делали все, чтобы она навеки сгнула. Когда его не стало, мама Юлиана Антоновна долго не могла заплатить подать. Не было чем. Заставили. Тогда она все продала, и остались дети (а их 6) босые да голые. А тут скоро и немцы пришли, свои порядки ввели.

– Конечно, наша молодежь в войну сложаруки не сидела. Установили ребята связь с партизанами, организовали подпольную группу, – продолжает вспоминать старожил. – Володя Усевич, мой троюродный брат, был секретарем комсомольской организации. Распространяли листовки, ходили на задания с партизанами, собирали оружие, передавали медикаменты в отряд, а чтобы не вызвать к себе у полицаяев и немцев подозрение, частенько наведывались в клуб в Хатьковцы. Мол, обычные мы – веселимся и танцуем. Но случилось непоправимое. Местный солтыс сблизился с Николаем Лепешко (после войны он проведет в тюрьме 10 лет, вернется и будет жить в Свентице), завел с ним дружбу. Вот так за душевным разговором Николай и проговорился о народных мстителях, предложив и ему уйти в лес. Тот об услышанном тотчас доложил немцам. Подпольщика Николая арестовали, а вместе с ним посадили в одну камеру и того солтыса. По молодости и неопытности парень рассказал «другу» о деятельности подпольной группы, назвав и фамилии всех комсомольцев.

Николаю Усевичу в тот роковой 1944 год было немного, лет восемь-девять, но память сохранила страшные эпизоды военного лихолетья. Раннее морозное утро. Каратели, окружив деревню, выгнали людей на улицу, на расстрел. Но в последний момент решили забрать только тех, кого, сидя в камере, на-

звал Николай.

– Молодые ребята, полные сил, красивые. Им бы жить да жить, – печалится рассказчик. – Ребят арестовали, допрос учинили, а потом расстреляли. Фашисты безжалостно строчили по ним из пулемета. Я видел все, напротив нашего дома это было... В этот день эсэсовцы расстреляли шесть подпольщиков. Остальных, связав руки за спиной, посадив по два человека на повозки, повезли в тюрьму в Волковыск. Приехали каратели и на следующий день в деревню, но уже за солтысом и его семьей. Но того успели предупредить, он уехал с семьей в Сидорки, а связной в срочном порядке переправил их в Кукличи. В тот же день фашисты зарубили топором Отока Марию, потому что женщина не сказала, где находится ее сын. Нашли и подпольщика Николая Шопика, который прятался на гумне. Расстреляли. Отправили тогда в концлагерь многих мужчин, не все вернулись домой. Еще три дня сидели фашисты в наших Задворенцах с пулеметами, все ждали партизан.

Помнит Николай Федорович, что немцы не разрешили хоронить расстрелянных подпольщиков на кладбище. Где-то там, на горке, за деревней родные предали земле их тела. Уже в советское время перезахоронили комсомольцев на кладбище в Свентице. А со временем установили памятный знак практически в начале деревни в честь бесстрашных земляков-подпольщиков. Проходя или проезжая мимо этого знака, как не вспомнить стихотворные строки: «Куда б ни шел, ни ехал ты, но здесь остановись. Могила этой дорогой всем сердцем поклонись». Поклонись мужеству, бесстрашию молодых, которые в суровые военные годы смело встали на защиту Родины от беспощадного и жестокого врага.

Валентина ХАМЧУК

Хамчук, В. Остались молодыми: [о расстреле подпольщиков и мирных жителей д.Задворенцы Свислочского района] / Валентина Хамчук // Свіслацкая газета. – 2022. – 14 снежня. – С.5

Как нас убивали

Из материалов уголовного дела о геноциде

На сайте Генеральной прокуратуры Республики Беларусь опубликованы материалы уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период – архивные документы, допросы свидетелей, иные доказательства, свидетельствующие о преднамеренном и планомерном уничтожении населения БССР оккупантами и их пособниками. Убийства, пытки, издевательства, насилие, угон на принудительные работы – здесь все.

О многом говорят, в частности, акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Эта комиссия была образована в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года. Шла война, и шло расследование. Документы ЧГК стали, между прочим, одним из важнейших доказательств обвинения в ходе Нюрнбергского процесса.

Итак... 1945 год. Материалы по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Свислочском районе.

Из акта, составленного 28 февраля 1945 года: «Во время немецко-фашистской оккупации с июня 1941 года по июль 1944 года по Полонковскому сельскому совету немецко-фашистскими извергами мирные жители подвергались жесточайшим пыткам и издевательствам, и после чего 14 человек были расстреляны, а также 2 советских военнослужащих были убиты 13 июля 1944 года командующим полицией гор. Свислочи Весловым».

По Великосельскому сельскому совету установлено: «25 апреля 1942 года в д. Великое Село расстреляны 2 человека. 25 февраля 1942 года в д. Хилимоновцы расстреляно 13 человек. 15 июля 1942 года в д. Новоселки расстреляны 8 человек. 26 января 1943 года в д. Задворенцы расстреляны 6 человек». Задворенцы... В этой глухой деревеньке шла неустанная война с вра-

гом. С начала 1942 года здесь действовала подпольная антифашистская группа во главе с Василием Усевичем, в которую вошла в основном местная молодежь. Десять человек. И каждый понимал, что подвергает опасности не только себя, но и свою семью. Однако любовь к Родине и ненависть к врагу были сильнее страха... В списке тех, над кем в то кровавое январское утро 1943-го гитлеровцы по наводке предателя учинили расправу, – Владимир Отока, 1923 года рождения, и Мария Отока, 1885 года рождения. Это брат и мать Анастасии Отока, комсомолки-подпольщицы, такой же отчаянной и смелой, как известная доброволька Паша Василенко. Одна лишь разница между ними: Пашу за связь с партизанами повесили, а Анастасия до облавы успела уйти к народным мстителям в лес. Константина Филипповича, отца Насти, вместе с комсомольцем Аркадием Шошиком (его отец Андрей Степанович тоже был расстрелян) немцы увезли с собой. Константину Отока пришлось пройти через многие фашистские лагеря. Домой он вернулся лишь в январе 1946 года. Античеловеческий лагерный режим сильно подорвал здоровье Константина Филипповича, он долго и тяжело болел. А Анастасия... Она прошла войну и была для земляков живым свидетелем упорной борьбы с фашизмом, отнявшим у нее родных и близких людей.

(Продолжение следует.)

Наталья ТУРКО

Турко, Н. Как нас убивали: [о расстреле мирных жителей Полонковского и Великосельского сельских советов Свислочского района] / Наталья Турко // Свіслацкая газета. – 2022. – 31 жніўня. – С.6

Урок ценою судеб

От слова война и сегодня веет холодом и болью. Великая Отечественная... Зинаида Андреевна Яроцкая (Качко) совсем маленькой была, когда началась война, но боль в сердце не стихает и сегодня.

В семье Андрея Антоновича и Анны Михайловны Качко воспитывались пятеро детей: два сына и три дочери. Жили, трудились без усталости. Глава семейства был на все руки мастером. Строил дома сельчанам. Двери, оконные рамы, сундуки умел сделать. И хотелось лишь одного: жить под ясным небом, растить детей, радоваться каждому дню. Но все перечеркнула война, да такой черной краской, что и не придумаешь...

Немец пришел и установил свои зверские порядки. Но народ яростно сопротивлялся. Стало развиваться партизанское движение. Народные мстители проводили операции по уничтожению врага. Бессильные в своей злобе фашистские захватчики отыгрывались на местном населении.

Получив приказ в течение 24 часов выселиться, семья Качко, как и большинство других жителей деревни Качки, поселилась в Незбодичах. Их приютили совсем чужие люди. Жили все в большом страхе – немец лютовал. После одних удачно проведенных партизанами операций вместо батальона 322 в Беловежскую пушчу прибыл фашистский карательный батальон под номером 323, отличающийся своими зверствами в отношении мирного населения. В двух километрах от Незбодичей народные мстители пустили под откос фашистский поезд и еще через несколько дней подожгли немецкую комендатуру. Чтобы найти виновных, немцы согнали жителей деревень Незбодичи, Качки, издевались над ними. Ничего не узнав, схватили каждого третьего...

Об этом страшном дне своей самой младшей дочери Зинаиде не единожды рассказывала мама. В детской голове все настолько сильно укоренилось, что эти воспоминания с ней семь десятков лет.

– Это было 4 августа 1942 года в 4 часа, – рассказывает Зинаида Андреевна. – Мама подоила корову и пошла в сарай будить моего брата, который спал на сеновале, чтобы гнал корову на пастбище. В это время в дом ворвались немцы. Пока мама пришла, выгнали в нижнем белье папу, хозяина дома с сыном. Погнало сначала в сторону Дреча-

нов, а потом назад. Там их били, натравливали собак. У папы ноги были покусаны. Мужчины шли с заложными за голову руками и на дома свои посматривали, словно прощались. Дети в окна смотрели и плакали. Немец увидел это и камнем запустил, но попал в стенку дома. Дети тогда попрятались. Людей погрузили на машину и повезли в карьер. Среди них была и еврейская семья с маленьким двухнедельным дитем. Папа просился, чтоб не убивали, говорил, что пятеро детей. Да и другие просились, но немцы были беспощадны в своем решении. Только один человек тогда спасся, русский какой-то. Когда он падал раненый, то на него другой человек упал. А когда немец проходил и добывал прикладом, мужчина задержал дыхание и притворился мертвым. Пока каратели поехали за другой партией, он вылез из-под

В деревне Гаркавщине в бывшем карьере между высокими соснами стоит памятный знак в честь безвинно погибших жертв нацизма. Здесь на этом месте в 1942 году фашистами были расстреляны 44 мирных жителя деревень Незбодичи, Качки, Гаркавщина, Заречаны...

убитого и спрятался в жите. Всю ночь там просидел. Это он потом маме рассказывал, как там все было, как папа просился. Немцы год не давали родным похоронить убитых, угрожая расправой. Когда потом перезахоронили на кладбище в Доброволе, папу по покрывалу тканому там нашли. В день его гибели мама прибежала со мной до того карьера и в покрывало его завернула. У папы на правой руке пальцы были перебитые, ладонью сердце прикрывал, куда и попала пуля.

Сестру папы Марию немцы тоже расстреляли. Она в партизанском отряде имени Чапаева была связной. Работала в Яловке санитаркой. Одна полька сдала ее. Расправились с тетей Марией в Вишевнике. Мама потом нашла то место, где ее убили, людей, которые ее закапывали.

Старший брат Зинаиды Андреевны Сергей в 1944-м добровольцем ушел на фронт. Ему и семнадцати тогда еще не было. Очень хотел за отца отомстить. После войны остался в армии, 8 лет прослужил.

Тяжело семье пришлось выживать. Трудились много. Анна Михайловна одна подняла на ноги пятерых детей. Все выросли достойными уважения людьми, очень дружными между собой, помогающими друг другу. Видно, общее горе так сплотило близких людей, а еще житейская мудрость мамы. Она учила своих детей с людьми жить по-человечески, в добре, не держать ни на кого зла.

Семья Качко никогда не пользовалась никакими привилегиями по поводу потери кормильца. Некоторые «доброжелатели» даже упрекали, мол, почему он не пошел в партизаны, жив бы остался. А он не успел, и кто знает, чем бы в той ситуации все обернулось для его большой семьи, ведь немцы не щадили никого: ни детей, ни женщин, ни стариков.

Анна Михайловна со своим горем в сердце прожила до 85 лет. Постоянно приходила к тому карьере, где был расстрелян ее муж, и все плакала.

На этом месте, где гитле-

ровские каратели с варварской жестокостью, травя собаками, избивая прикладами, замучили и расстреляли мужчин, женщин и даже грудного ребенка – всего 44 человека, 24 июля 1985 года был открыт памятный знак. На митинг в тот день пришли очевидцы страшной трагедии. Выступила на нем и Анна Михайловна Качко.

За памятным знаком ухаживает местное хозяйство, Незбодичский сельсовет. Приходит возложить цветы на место гибели отца и Зинаида Андреевна Яроцкая. Она, еще будучи совсем маленькой, постоянно спрашивала у мамы: «У всех детей есть тато, а где мой?» Та ничего не говорила малышке и сразу начинала плакать. О трагедии семьи сегодня Зинаида Андреевна рассказывает своим четвертым внукам и шести правнукам. Чтобы помнили и знали, что такое война. Эта история передается из поколения в поколение представителям рода семьи Андрея Качко. Значит память будет жить.

Марина ЯНЮК

Янюк, М. Урок ценою судеб: [о расстреле 44 мирных жителей деревень Незбодичи, Качки, Гаркавщина, Заречаны Свислочского района] / Марина Янюк // Свислацкая газета. – 2020. – 16 кастрычніка. – С.5

Успаміны сэрца трывожаць

Час няўмольна бяжыць наперад, адыходзяць ад нас сведкі падзей Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Свіслацкага раёна. Толькі ўспаміны гэтых людзей, якім прыйшлося перажыць самыя страшныя імгненні свайго жыцця, старанна запісаныя вучнямі і настаўнікамі школ, аднавяскоўцамі, даюць магчымасць нам, пакаленню XXI стагоддзя, зноў вярнуцца туды, у вогненныя ваенныя гады.

Большасць гістарычных фактаў аб дзейнасці антыфашысцкіх груп на тэрыторыі раёна знайшлі сваё адлюстраванне на старонках кнігі "Памяць. Свіслацкі раён", якая выйшла ў 2004 годзе. Але не ўсе ўспаміны людзей, якія былі сведкамі тых падзей, змаглі змясціць старонкі друкаванага выдання. Нядаўна пры актыўнай дапамозе настаўніка гісторыі і грамадазнаўства Вердаміцкага ДС СШ Уладзіміра Талканіцы мне давялося патрымаць у руках летапіс "Паклонімся вялікім тым гадам", які быў створаны вучнямі і настаўнікамі Велікасельскай БШ у 2005 годзе. Шчыра кажучы, мне як настаўніку гісторыі было цікава яго пагартаць, а таксама прачытаць успаміны сведкаў актыўнай дзейнасці партызан і падпольшчыкаў у нашай мясцовасці.

У вёсцы Задворанцы ў пачатку 1942 года была створана антыфашысцкая група, якую ўзначаліў мясцовы жыхар, актыўны камуніст Васіль Усевіч. У яе невялікі склад увайшлі ў асноўным прадстаўнікі моладзі: Уладзімір Усевіч, Ніна, Мікалай і Аркадзій Шопікі, Анастасія і Уладзімір Атока і іншыя – усяго 10 чалавек. Для барацьбы з фашыстамі яны збіралі зброю, падтрымлівалі сувязь з партызанамі.

У пачатку студзеня 1944 года быў арыштаваны адзін з членаў групы. Два тыдні ён прасядзеў у гестапа ў Ваўкавыску. Не вытрымаўшы катаванняў, прызнаўся аб наяўнасці ў вёсцы падпольнай групы. Вёску абшукалі гестапаўцы. Схапілі падпольшчыкаў і загналі іх у хлеў. У

нагах начальніка гестапа Абуховіча ляжала вялікая аўчарка, у руках ён трымаў гумавы бізун з металічным наканечнікам, якім і суправаджаў допыт. У той дзень фашысты расстралялі шасцярых, у тым ліку і маці Анастасіі Атокі Марыю Сцяпанану. Вось як яна згадвае той дзень:

– Цяжка ўспамінаць пра тыя падзеі, але такое не забываецца. У той страшны ранак, калі была расстраляна маці, да мяне прыбег Шура Карневіч і папярэдзіў, што з боку Сідарак едзе калона немцаў. "Бяжым, бо ўжо не пакінуць дома і цябе", – сказаў ён. І мы ўцяклі ў хмызняк за ракой, там затаіліся. Адтуль я і пачула стрэлы на нашым падворку. Сэрца зайшлося, бо адразу падумала, што здарылася нешта з маці. Так яно і было. Фашысты патрабавалі, каб маці сказала, дзе дачка. Але тая ім гаварыла толькі адно: "Не ведаю". Тады гітлераўцы вывелі маці на падворак і расстралялі. А яшчэ забаранілі хаваць на могілках, а загадалі закапаць тут жа, у агародзе. Толькі пасля вайны астанкі людзей, расстраляных у Задворанцах, былі перанесены на могілкі ў вёску Свянціцу.

Далей успамінае Анастасія Канстанцінаўна: "Мяне сувязныя пераправілі ў атрад. У тую ж ноч Валодзя Усевіч завёў мяне ў Кабызі да знаёмых, а потым за мной прыехалі на кані і забралі ў атрад, які размяшчаўся ў глухіх лясах недзе ў раёне Пружанаў.

Я на баявыя заданні не хадзіла, сказалі, што занадта малая. Але лёгка не жылося, бо паставілі адра-

■ Анастасія Канстанцінаўна Атока.

зу да катлоў, а атрад быў вялікі, гатавалі ежу толькі ўначы, каб немцы не заўважылі дым. А колькі ў тым лесе партызанскіх магіл засталося!

Пасля вайны мне давялося змяніць маці сваім малодшым братам і сястры. У вайну дзеці жылі ў сваякоў, а пасля вайны я сабрала ўсіх у родным доме".

Адзін з найбольш актыўных дзеячаў групы Уладзімір Усевіч пасля вызвалення ў ліпені 1944 года тэрыторыі Свіслаччыны пайшоў на фронт. Ён загінуў у 1945 годзе пры штурме Берліна, усяго некалькі дзён не дажыўшы да Перамогі.

За час дзеянняў антыфашысцкай арганізацыі ў Задворанцах былі ўзарваны 3 масты, перададзены партызанам 11 вінтовак, 2500 патронаў, 36 гранат, 55 снарадаў, 35 кілаграмаў тратылу, распаўсюджана больш трох тысяч лістовак і падпольных газет.

Чалавечая памяць не дзеліць людзей на жывых і мёртвых. Адны загінулі на полі бою, другія прайшлі праз усю вайну. Але ўсе яны – і тыя, хто прайшоў страшэннае пекла, і тыя, хто застаўся жывы, – частка нашай з вамі агульнай гісторыі. Успаміны аб гэтых людзях вельмі важныя, бо дзякуючы ім мы помнім усіх...

Уладзімір МІХАЛЬЧЫК

Міхальчык, У. Успаміны сэрца трывожаць: [аб здзеках і расстрэле падпольшчыкаў в.Задворанцы Свіслацкага раёна] / Уладзімір Міхальчык // Свіслацкая газета. – 2020. – 10 сакавіка. – С.5

Война – ошибка человечества

Эти слова мог произнести каждый, кто прошел через военное горнило и выжил, кто пал в бою, но за них свое слово сказали дети, внуки, правнуки фронтовиков, кто работал в тылу, помогая фронту, и те, кто был угнан в рабство в Германию.

Мы приехали в Новоселки, где жил Михаил Самсоник, человек трудолюбивый, добрый, уважаемый, мастер на все руки – и бондарь, и столяр, и хозяин отличный. Его заботливыми руками построен добротный дом. Сейчас в нем живет дочь Людмила, в нем хорошо и уютно, потому что дом по-прежнему хранит тепло отцовских рук. Сама деревня небольшая. Сохранилась здесь довоенная брусчатка. По этой рукотворной дороге в самый первый день войны уже шагали фашисты, мчались мотоциклисты, гремели гусеницами танки. По ней ходили два местных полицаи, по ней вели на расстрел партизан.

Михаил Игнатъевич шесть лет назад как умер, но все, что он иногда рассказывал, хранит в памяти своей дочь Людмила.

Шестого июня 1941 года юноше исполнилось 18. Прекрасный возраст – в армию пора. Михаил, высокий, крепкий физически, с нетерпением ждал, когда принесут повестку, но не судьба: призывали в те годы на службу в армию в середине лета или в середине зимы. А тут – война. Оккупанты явились непрошеными гостями в Новоселки в самый первый день, потому что граница не столь далеко от деревни, а рядом – Хилимоновцы, Великое Село. Пришел враг быстро и в эти населенные пункты. Шли солдаты неприятеля раскрепощенно, неровным строем, улыбались, потому что были уверены в своей быстрой победе. Население они не трогали, но порядки установили свои: жителей деревень обязали круглосуточно охранять железную дорогу. Фашисты боялись партизан, но нашелся предатель из местных. Доносил фашистам на своих же односельчан, которые были связаны с партизанами. Так, одна женщина тайком пекла хлеб. Полицай выследил и донес. Женщину вывели во двор ее дома и расстреляли. А потом арестовали еще четырех молодых парней, среди них был Михаил. Связали руки, посадили на подводу и повезли в Волковиск. От неминуемого расстрела спас знакомый полицай (до войны вместе на танцы ходили).

Домой никого не отпустили, а отправили на принудительные работы в Германию. Невыносимо тяжело было в пути: тесно, душно в товарных вагонах, глоток бы свежего воздуха, а голод доводил даже молодых и здоровых до обморочного состояния. Конечной остановкой стал город Лих. Всех выгнали из вагонов, построили, начался тщательный отбор рабочей силы: выносливых и сильных отправляли в шахты, не очень крепких – к бауэрам на сельскохозяйственные работы, а вот евреи никому не были нужны. Их – к стенке. Михаил и односельчанин Степан Радионик попали в шахты. Работали

Михаил и Ольга Самсоник о войне знают не понаслышке.

до изнеможения, по 12 часов в сутки, угольная пыль забивала легкие, кормили плохо: кусок хлеба утром, на обед кусок хлеба и две сигареты. Немец-конвоир следил за тем, чтобы хлеб раньше обеда «осты» не съедали. Михаил чувствовал, что силы оставляют его. При росте почти в два метра весил уже 49 кг, кожа да кости. И он принял смелое решение: выпить концентрированный раствор соли, чтобы руки и ноги отекли. Это был отчаянный шаг, если бы попытка не удалась, дальше – крематорий. Но он оказался в больнице. Три дня быстро пролетели, силы не восстановились. Он был молод, а жить очень хотелось. Тогда Степан где-то раздобыл еще необходимое количество соли, и Михаил снова повторил не слишком приятную процедуру. Доходяге-юноше все же повезло, его забрала одна немка: хозяйство большое, а рук не хватало. Любая крестьянская работа горела в трудолюбивых руках Михаила. Он тут же отремонтировал телеги и хомуты, привел в порядок выездные брички. Кормить стали уже лучше, и Михаил немного окреп.

Освободили Самсоника американские войска. Молодому человеку предложили уехать жить в Америку. Но очень хотелось домой, надоела чужбина. Однако в деревню возвращаться боялся, не знал, как отнесутся: как к жертве или как к предателю. Думал, что отправят в фильтрационный лагерь, а оттуда прямая дорога в Сибирь. Но чуть погода вернулась в свои родные Новоселки, а тут голод, разруха, нищета. Надо было жить, восстанавливать, строить новую жизнь. И Михаил с головой ушел в работу. Вскоре женился, дом построил, детей вырастил. И всегда старался помогать односельчанам, а те в свою очередь уважали его за трудолюбие, ценили за ум. «С Игнатъевичем поговорить, что воды напиться», – так говорили они.

Мирная жизнь Михаила Игнатъевича радовала, можно было спокойно жить и работать, а войну он считал самой большой и непрости-тельной ошибкой человечества.

Валентина ХАМЧУК